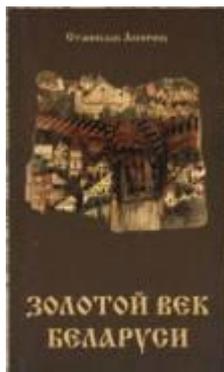

Станислав Акинчиц Золотой век Беларуси

Станислав Акинчиц Золотой век Беларуси

Так говорит Господь: Остановитесь на путях ваших, и рассмотрите,

и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдёте покой душам вашим.

Библия, Книга пророка Иеремии, 6,16

Откуда наш род

Если посмотреть на историю Беларуси, среди всех периодов особенно выделяется время, которое многие называют Золотым Веком нашей страны. Это XVI век, эпоха Возрождения, время наибольшего культурного, интеллектуального, экономического расцвета Беларуси; время выдающихся людей, государственных и культурных деятелей мирового масштаба.

На XVI век в истории Беларуси приходится большинство наиболее важных событий, сформировавших белорусов как нацию. Известный историк В.Пичета так охарактеризовал эту эпоху: «Возрождение... это культурное явление первостепенной важности в духовной жизни белорусского народа».

Наиболее характерной чертой белорусского Возрождения XVI века является развитие Реформации на наших землях. В XVI веке вся Европа в своей духовной, культурной, экономической и политической жизни переживала грандиозные изменения, связанные с движением обновления церкви, возвращением к библейским основаниям христианства. Это движение, названное Реформацией, стало причиной подъёма многих народов: немцы, шведы, англичане, голландцы благодаря Реформации сформировались как полноценные современные нации. Реформация стала центральным событием всего XVI века. В полной мере это относится и к нашей стране. Мы не можем говорить о Возрождении на Беларуси, игнорируя Реформацию, и, наоборот, нельзя Реформацию отделить от Возрождения. Выдающиеся деятели белорусского Возрождения были одновременно людьми Реформации. Это и Франциск Скарына, который напечатал Библию на белорусском языке; и Сымон Будный, который издал первый белорусский Катехизис, в котором объяснял основы веры просто и понятно, в духе Евангелия; и Василь Тяпинский, который во весь голос заявил о необходимости развития литературы и науки на родном языке и сам взялся за перевод Нового Завета на белорусский язык, чтобы каждый белорус мог понять Слово Божие. Это также магнат Микалай Радзивил Чёрный, который открывал по всей стране церкви, школы, типографии; канцлер Астафей Волович, который руководил проведением земельной реформы, так называемой «волочной померы», и подготовил самый совершенный свод законов в Европе XVI века – Статут Великого Княжества Литовского.

Реформация сформировала белорусское Возрождение, создала Золотой Век Беларуси, заложила основания белорусской нации. К XVI веку обращаются многие поколения белорусов в поисках своих корней, своей тождественности, своего предназначения, своей идеи.

Накануне

В начале XVI века Европа достигла критической точки в своей экономической и политической жизни. Кризис средневековой духовности стал причиной всеобъемлющего кризиса европейского общества. Уходила в прошлое старая готическая Европа, объединённая латинской культурой, католической церковью, рыцарскими традициями и феодальными отношениями, господствовавшими от Пиренеев до Днепра, от Сицилии до Скандинавии. Бесконечные войны превращали в руины целые государства. Сначала Столетняя война опустошала Францию, затем в Англии война Белой и Алой Розы истребила большую часть английского рыцарства. В Испании четыре королевства сражались между собой и с арабами, стремясь отвоевать потерянные ещё в VII столетии земли. Чехия, приняв проповедь Яна Гуса о необходимости возвращения церкви к Евангелию, десятки лет вела борьбу против армии немецкого императора. Итальянские государства яростно воевали друг с другом за господство на Апеннинах.

Если к этому добавить эпидемии и различные стихийные бедствия, то нет ничего удивительного в том, что люди жили в страхе. Надгробные камни, в отличие от спокойных изображений VIII века, представляли людей, измождённых болезнями, старостью, измученных жизнью. «Пляски смерти» заполнили фрески и гравюры, с одинаковым презрением показывая королей и епископов, красивых женщин и монахов. Вместо Христа- Вседержителя в королевском убранстве, так распространённого в раннем Средневековье, церкви наполнились изображениями Иисуса, Который умирает на кресте в страшных муках. Все ожидали скорого конца света. Пророчества из Откровения святого Иоанна стали популярны, как никогда ранее. Тем более, что с Востока надвигался апокалиптический враг. В 1453 году Европа содрогнулась от известия о захвате турками Константинополя. Византийская империя – христианское государство, наследница Римской империи в Греции и на Ближнем Востоке – перестала существовать. Султан Мехмет на коне въехал в храм святой Софии, который позднее был переделан в мечеть.

Все эти события побуждали людей искать спасения, думать о вечности. Вопрос о судьбе человека после смерти выходил на первый план. Крестьяне и рыцари, короли и горожане всеми силами искали дорогу, которая обеспечит им вечную жизнь, избавит от наказания за грехи. Во второй половине XV века большую популярность приобрели индульгенции – грамоты, которые обещали прощение грехов каждому, кто пожертвует деньги на какую-либо цель, определённую папой римским. Стремясь обрести внутреннее спокойствие, люди скупали всевозможные реликвии, которые, как говорили, гарантировали вечную жизнь; искали возможность дотронуться или хотя бы увидеть облик Иисуса на платке святой Вероники, обломок креста, на котором висел Спаситель; верёвку, на которой повесился Иуда, или один из серебряников, который он получил за предательство Христа.

Однако не только апокалиптические настроения нёс в себе XVI век. Новые идеи, рождённые в Италии, стремительно распространялись на север, запад и восток. Это были идеи Ренессанса, Возрождения. Обращаясь к сокровищам античной культуры, Ренессанс нёс в себе новый стиль жизни, новый способ восприятия мира. «Человек рождается не для прозябания в бездействии, а для работы над великим и грандиозным делом», – говорил один из деятелей этой эпохи Леон Баттиста Альберти. В раскрытии возможностей человека видели свою задачу люди европейского Ренессанса.

В 1455 году Иоганн Гуттенберг из немецкого города Майнца изобрёл печатный станок. В том же году из-под печатного пресса вышла первая книга – Библия на латинском языке. То, что произошло позднее, можно смело назвать информационным взрывом. Спустя несколько десятилетий с момента изобретения количество книг в Европе возросло с 50 тысяч до 10 миллионов, и большинство из них составляли тексты Священного Писания. Если раньше, чтобы переписать Библию от руки, было необходимо несколько лет ежедневного труда монахов-переписчиков, то теперь на протяжении нескольких недель можно было дать читателям сотни книг Старого и Нового Завета. Библия переставала быть редкостью, её

можно было увидеть и в рыцарском замке, и в доме зажиточного крестьянина, во дворце богатого купца, и в доме ремесленника.

Одновременно повсеместно стали появляться переводы Библии на национальные языки. В 1466 году в Страсбурге была издана Библия на немецком языке, а через 5 лет – первая итальянская Библия и французский перевод Нового Завета. В 1475 году вышла в свет чешская Библия, затем голландская и каталонская (язык одного из государств на Пиренеях).

Эразм Роттердамский спустя два десятилетия писал: «Я хотел бы, чтобы Библию перевели на все языки, чтобы её читали и понимали не только шотландцы и ирландцы, но также турки и сарацины. Я хотел бы, чтобы пахарь, напевал стихи из Библии, идя за плугом, ткач повторял их под жужжание веретена, а путешественник, отправляясь в дальний путь, коротал время за евангельскими рассказами». И это желание находило живой отклик в сердцах многих современников, стремившихся углубиться в мир Божьего откровения, прочитать и понять Книгу книг.

Ещё одно событие всколыхнуло Европу в конце XV века. Генуэзский моряк Христофор Колумб открыл новый континент – Америку. Оказывается, есть ещё другие земли, другие народы, которых никто не знал; оказывается, тот мир, к которому привыкла средневековая Европа, – это только часть огромного, ещё не познанного мира.

Страх перед будущим и полное надежды ожидание нового переполняли сердце каждого, кто жил в эту эпоху. Церковь, которая своей деятельностью проникала все сферы жизни европейских народов, должна была ответить на вызов времени и дать ориентиры, так необходимые в ситуации, когда рушится старый, привычный мир. Однако она, далеко отойдя от библейских корней, была беспомощна. Лицемерие церковных лидеров, их идущая в разрез с Евангелием жизнь, побуждали многих искать образ церкви, соответствующей Священному Писанию; искать пути духовного обновления христианства. Джироламо Саванорола, флорентийский монах, наблюдая повсеместное падение морали восклицал: «В первоапостольской Церкви сосуды были из дерева, а служители – из золота; сегодняшняя Церковь имеет сосуды из золота, а служителей – из дерева». Тысячи людей думали также, и поэтому голос, прозвучавший в Виттенберге в 1517 году, отозвался эхом во всём христианском мире.

Девяносто пять тезисов, которые изменили мир

Вечером 31 октября 1517 года улицы Виттенберга, столицы одного из саксонских княжеств, были заполнены взволнованной толпой, выходящей из замкового костёла после торжественной мессы накануне праздника Всех Святых. Несколько лет назад саксонский курфюрст Фридрих Мудрый, стремившийся сделать Виттенберг – небольшой ещё город на берегу Эльбы – новой столицей Саксонии, конкурентом известному своими ярмарками и университетом Лейпцигу, получил от папы римского право даровать отпущение грехов каждому, кто на празднике Всех Святых исповедуется и примет участие в мессе в замковом костёле. На этот праздник со всей Саксонии собирались желающие получить душевное спокойствие. На несколько дней количество жителей в Виттенберге увеличивалось в два-три раза. Здесь можно было увидеть князей и баронов, мелкую шляхту и виттенбергских горожан. Толпы нищих плелись из-под самого Дрездена; студенты недавно открытого университета торопились замаливать свои грехи; крестьяне съезжались со всей округи целыми семьями, превращая городскую площадь в огромный табор.

И вот вся эта пёстрая, шумная толпа наполнила замковый костёл; люди замолкали, снимая шляпы и колпаки, чтобы набожно отстоять службу, надеясь получить хоть какую-то уверенность, если не в этой жизни, то хотя бы после смерти. Началась месса. Хор монахов из монастыря августинцев запел «Аллилуйя», и торжественная мелодия зазвучала под готическим сводом костёла. Затем на амвон поднялся монах средних лет в поношенном, залатанном монашеском одеянии. Лёгкий шум пробежал по толпе. «Мартин Лютер, профессор», – прошептал студент горожанину, у которого снимал комнату на чердаке. Мартин Лютер стал на амвоне, достал несколько листов бумаги, исписанных мелким подчерком, и громко произнёс: «Наш Господь и Учитель Иисус Христос говорит: „Покайтесь“ Он хочет, чтобы вся жизнь верующих была покаянием». В костёле воцарилась тишина. Брат Мартин говорил о том, что беспокоило многих, собравшихся в этот вечер.

«Если вся жизнь должна быть покаянием, то зачем нужны индульгенции? Если за деньги можно получить прощение грехов, то в чём тогда смысл покаяния?» – продолжал монах. С гневом и возмущением Лютер говорил об индульгенциях, о бессмысленных попытках откупиться от наказания; о тех, кто ради личной выгоды обманывает людей, продавая несуществующие билеты в Царство Небесное. Свою проповедь брат Мартин закончил, зачитав 95 тезисов против индульгенций, затем спустился с амвона, вышел из костёла и прибил листы с тезисами к воротам. «Если кто-то может опровергнуть то, что здесь написано, я приглашаю его к дискуссии, здесь, в Виттенберге, или в любом городе Священной Римской империи немецкой нации», – провозгласил он и вернулся на своё место. В костёле вдруг стало шумно: это студенты начали обсуждать тезисы Лютера, поддерживая или опровергая профессора, но большинство людей растерянно молчало. Хор снова запел, месса пошла своим чередом, но сердца сотен людей были взволнованы услышанным словами. Девяносто пять тезисов потрясли город. Несколько дней весь Виттенберг только и говорил, что о проповеди брата Мартина. Уже на следующий день студенты перевели тезисы Лютера с латыни на немецкий язык, а Ганс Люфт, владелец типографии, расположенной вблизи университета, напечатал этот перевод. Многочисленные паломники, пришедшие на праздник Всех Святых, разнесли по всей стране тезисы виттенбергского профессора. Во дворцах и в корчмах начались яростные споры об индульгенциях, о спасении, о покаянии, о Библии, о том, какой должна быть церковь. Проповедь Мартина Лютера стала той спичкой, которая зажгла Германию. Вся страна заговорила о Реформации.

Реформация – это латинское слово, которое образуется присоединением приставки «ре-» к слову «формация». «Формация» означает «придание чему-либо образа, формы», а приставка «ре-» – что это действие повторяется снова. Таким образом, Реформация – это возобновление первоначального образа, исходной формы. Реформация – это возвращение к первоисточнику – Библии, возвращение к Божьему взгляду на Церковь, на общество, на человека. И Мартин Лютер был тем, кто во весь голос заговорил об этом.

Кем же был этот профессор из Виттенберга, слова которого потрясли всю Европу? Мартин Лютер был монахом ордена августинцев и активно участвовал в жизни католической церкви как священник и профессор теологии. Казалось, он мог бы быть доволен своей жизнью, став в 29 лет профессором, а затем – настоятелем всех саксонских монастырей августинцев. Но брат Мартин всё время задавал себе вопрос: «Как примириться с Богом? Как заслужить Божью любовь?» И эти вопросы не давали ему покоя.

Для Лютера, как и для остальных верующих того времени, Бог был грозным, немилосердным Судьёй, Который следит за человеком и наказывает его за каждый проступок. Этого Бога нужно было задобрить своими делами. У Лютера была очень чувствительная совесть. Некоторые говорили, что «слишком» чувствительная. Он делал всё, чтобы заслужить любовь Бога, но от этого его жизнь становилась ещё хуже. Будучи монахом, священником, профессором, он проводил свою жизнь в постах и молитвах к святым, носил рубашку из конского волоса, постоянно исповедывался в своих грехах, совершал паломничества, покупал индульгенции, исполнял все предписания католической церкви. Но это казалась ему недостаточным, и даже если он сам считал, что делает всё возможное, чтобы жить праведно, спокойствия не было. Ни один священник не мог сказать ему с полной уверенностью, что он прощён, и Лютер сам знал, что не имеет мира с Богом. В это время он посетил Рим, столицу христианства, молился, постился, исполнял все обряды, прикасался ко всем реликвиям, но внутри было пусто. Видя духовную и моральную испорченность римского духовенства, брат Мартин терял надежду.

Как профессор теологии в Виттенберге он читал студентам лекции – комментировал Псалмы и Новый Завет. В один из долгих зимних вечеров Мартин Лютер, изучая Послание к Римлянам, неожиданно остановился на словах, давших ответ на все вопросы запутавшегося человека: «Праведник верою жив будет». Вот оно, спасение! «Я почувствовал себя полностью возрождённым... Эти слова Павла стали для меня вратами рая», – писал брат Мартин о своих переживаниях в тот вечер. Оправдание Божье приходит к нам не благодаря нашим собственным усилиям, но мы получаем его, принимая верою то, что Иисус Христос уже совершил для нас на кресте. Осознание этого перевернуло жизнь Мартина Лютера. Он понял, что спасение – это прежде всего личные отношения с Богом.

Шаг за шагом исследуя Библию, он открыл, что церковь совершенно исказила

Евангелие. Вместо Божьей любви проповедовались человеческие заслуги, вместо веры – суеверия и религиозные обряды, вместо Слова Божьего – легенды и традиции. Больше всего виттенбергского профессора возмущало учение об индульгенциях, о том, что монахи и священники за определённую плату могут вымолить прощение грехов. Заплатив деньги, которые шли на строительство базилики святого Петра в Риме, человек получал заверенную папской печатью грамоту, гарантировавшую прощение грехов живому или мёртвому. Согласиться с этим Мартин Лютер никак не мог, и поэтому на воротах замкового костёла в Виттенберге появились 95 тезисов против индульгенций. Несколько папских теологов приняло вызов Лютера к дискуссии, но они ничего не смогли противопоставить его тезисам, а только обвинили брата Мартина в том, что он повторяет учение Яна Гуса, осуждённое католической церковью на соборе в Констанце. На это Лютер ответил, что даже один человек, опираясь на Священное Писание, может выступать и против папы, и против собора. Когда спустя некоторое время гуситы из Чехии прислали Мартину Лютеру труды Яна Гуса, он, прочитав их, пришёл к выводу, что многие идеи пражского реформатора похожи на его собственные. Именно тогда он объявил своим последователям: «Все мы – гуситы, не зная об этом».

Папа римский прислал Лютеру грозное повеление отречься от своих взглядов. Реформатор ответил на это «Обращением к христианскому дворянству немецкой нации», которое было издано неслыханным в те времена четырёхтысячным тиражом и разошлось так быстро, что уже через месяц готовилось новое издание. В этом обращении, написанном по-немецки, Лютер утверждал, что нет смысла говорить о том, что священники – это какие-то особенные люди, так как согласно Библии, все верующие принадлежат к священству, и напоминал, что истинная Реформация начинается в сердце человека. События набирали разгон.

15 июня 1520 года папа римский Лев X подписал буллу (послание), в которой предоставлял Мартину Лютеру 60 дней, чтобы отказаться от своих слов, и приказывал сжечь все его работы. Однако огласить это послание папские легаты (посланники) смогли лишь в некоторых городах. В Майнце, Лейпциге, Кёльне об этом не могло быть и речи, потому что они едва унесли ноги от возмущённой толпы. А 20 декабря 1520 года у ворот Виттенберга Лютер, окружённый взволнованными студентами, преподавателями и горожанами, бросает в огонь папское послание. Весной 1521 года Мартин Лютер по приказанию императора явился на Вормсский сойм (собрание немецких князей и представителей городов). От него снова потребовали отречения от своих тезисов. Тогда Лютер, напомнив, что папа и собор не однажды ошибались, объявил, что если его не переубедят на основании Библии, он не откажется от своих взглядов: «На этом я стою, я не могу иначе. Да поможет мне Бог». Император никак не смог возразить реформатору, однако приговорил его к изгнанию. Тогда саксонский курфюрст Фридрих Мудрый, который поддерживал Лютера, спрятал его в замке Вартбург. Там Мартин Лютер начал работу над переводом Библии на немецкий язык. В сентябре 1522 года появился в продаже переведённый им Новый Завет. Несмотря на большой тираж и высокую цену в полтора дуката, все экземпляры были раскуплены за два месяца, и чтобы хоть как-то удовлетворить спрос, в течение двух лет вышло 70 изданий этого перевода. В 1534 году появилась полная Библия на немецком языке. Её популярность была так огромна, что даже католические типографии издавали этот перевод. До сегодняшнего дня Библия в переводе Мартина Лютера является самым популярным немецким переводом Священного Писания. Более того, этот перевод, являясь самым большим прозаическим произведением на немецком языке, создал и нормировал современный немецкий язык.

Однако не только переводами и религиозными трактатами Мартин Лютер обновлял церковь. Он сочинял также песни, которые пели по всей Германии и за её пределами. Его псалмы распространяли Евангелие быстрее, чем его проповеди. Мартин Лютер реформировал также литургию, проводя её на немецком языке и отводя главное место проповеди Слово Божьего.

Учение Лютера можно выразить следующими принципами:

1. *Sola gratia* – только благодать. Человек своими собственными усилиями никак не может заплатить за свои грехи. Бог Сам решил эту проблему, послав Своего Сына Иисуса Христа, Который Своей смертью заплатил за каждого

грешника. Человек ничем не заслужил своего спасения, это инициатива милосердного Бога.

2. *Sola fides* – только вера. Ответом человека на Божью инициативу должна быть вера. Вера – это принятие того, что Бог уже сделал для каждого человека. Человек сам по себе не может быть праведным. Праведность является даром от Бога, который приходит только через веру.

3. *Sola Scriptura* – только Писание. В Библии Бог открывает Свой план, который Он имеет для каждого человека и для всего мира. Библия является единственным критерием, который показывает Божественные стандарты для каждой сферы жизни человека.

4. *Sola Christo* – только Христос. Нет иного пути спасения человека, как только вера в Иисуса Христа. Верить во Христа – это значит стремиться жить жизнью Сына Божьего. Подражание Христу является сутью христианской жизни.

Реформы, начатые Мартином Лютером охватили всю Европу. В 1526 году Альбрехт Гогенцоллерн обвинил лютеранство официальным вероисповеданием Пруссии. В это же время Швеция вела борьбу за освобождение от датского господства, и борцы за независимость шли под знамёнами Реформации, создавал лютеранскую церковь в своей стране. В 1529 году немецкие князья на императорском сойме в Шпееере выступили с протестом против постановлений, запрещающих реформационное движение. С этого времени последователей Реформации стали называть протестантами.

В 1518 году движение Реформации пришло в Швейцарию. Эта горная страна представляла собой союз свободных кантонов, каждый из которых был малой республикой. Со времён, когда швейцарцы, защищая независимость своей страны, разгромили знаменитые отряды бургундских рыцарей, все европейские правители желали иметь в своей армии швейцарскую пехоту. Молодые парни из альпийских деревень шли в иноземные войска и сотнями гибли на полях сражений. Голосом вопиющего в пустыне стал голос Ульриха Цвингли, патриота и реформатора, который с амвона кафедрального костёла в Цюрихе выступил против наёмной службы, противоречащей христианской морали. Провозглашая, как и Лютер, спасение через веру, Цвингли выступил также против индульгенций, призывая выгнать из города продающих отпущение грехов как обманщиков и мошенников, и объявил, что только Библия содержит принципы обязательные для каждого христианина. В скором времени городской совет Цюриха заявил о переходе кантона на сторону Реформации. Вместо непонятной латыни в церковных проповедях зазвучал родной язык. Цюрихские церкви избавились от алтарей, икон, статуй и стали домами молитвы. Возвращая церкви первоначальный образ, Цвингли организовал самоуправление в церковных общинах.

Реформы Цвингли приняли наиболее передовые кантоны Берн, Базель, Цюрих. Но попытка распространить Реформацию на всю страну встретила сопротивление так называемых «старых» кантонов, которым наёмная служба швейцарцев приносила немалые доходы. Спор о вере стал спором о дальнейших путях развития страны. Это привело к войне. 12 декабря 1531 года в битве при Капеле цюрихский отряд из 1800 воинов был разбит 8-тысячной армией, собранной старыми кантонами. Раненый Цвингли попал в руки врагов, которые предложили сохранить ему жизнь, если он отречётся от своей веры, но Цвингли отказался и был убит.

Однако смерть Цвингли не остановила Реформацию в Швейцарии. Её продолжил другой реформатор – Жан Кальвин. Покаявшись в 1534 году, уже в 1536 году он закончил трактат «Наставления в христианской вере», названный историками «книгой, имевшей наибольшее влияние на богословие в истории Церкви» и «классическим текстом на французском языке». Жан Кальвин возвратил христианству истину о том, что каждый человек создан Богом для какой-то конкретной цели, и смысл его жизни состоит в том, чтобы открыть и реализовать Божий план. Грех сделал человека неспособным осуществить своё предназначение, но Христос освободил его из этого плена и дал ему шанс реализоваться. Только через веру в Христа человек может стать самим собой и достичь свою цель. В этом же 1536 году Кальвин был приглашён в Женеву, большой город, полный пьянства и блуда. После двух лет борьбы с моральной испорченностью и духовным безразличием женеvцев, реформатор отказался совершать хлебопреломление, если жители города не раскаются в своих грехах. Совет Женевы в ответ постановил изгнать чрезмерно

радикального проповедника из города. Однако через три года женеvские горожане снова пригласили Кальвина к себе, и в скором времени мир увидел пример реформированного города. Улицы Женеvы стали безопасным и даже ночью, и, идя по ним, не нужно было опасаться, что кто-то выльет на голову помой или начнёт приставать какой-то пьяница. Последний шинок, где продавали вино городским алкоголикам, закрылся три года назад, а его хозяин уехал во Францию, где людям ещё нужно было вино, чтобы убежать от проблем в семье или от безнадёжности жизни. Возле каждого дома чисто убрано, потому что на каждой улице есть ответственный, который следит за порядком и имеет право штрафовать того, кто превращает свой двор в мусорную свалку. Квартал городской бедноты теперь не узнать: один стал мастером, второй работает в типографии, а Жан Чудак стал банкиром. Его банк пока ещё невелик, но кто знает, что будет через пару десятков лет. Каждая копейка на счету и идёт не лишь бы куда, а на развитие дела. По воскресениям улицы города пустеют, потому что каждый, с Библией под мышкой, торопится в церковь.

Своим учением Жан Кальвин старался воспитать сильных людей, которые не колеблются, а сотрудничают с Богом и исполняют Его волю. Для этого на своих проповедях он учил пользоваться библейскими принципами в повседневной жизни, для этого основал в Женеvе множество начальных школ и открыл Академию, для этого организовал жизнь церкви так, чтобы каждый верующий нёс ответственность за её служение. Черпая из Библии идеалы самоуправления, Кальвин учил, что короли поставлены Богом над народом как наказание за человеческие грехи, и утверждал, что Бог может научить представителей народа обходиться без монарха и, взяв власть в свои руки, совершать Божьи дела.

Поэтому нет ничего удивительного, что участники войны за независимость Голландии, борцы Славной революции 1648 года в Англии, переселенцы в английских колониях Северной Америки называли женеvского реформатора своим духовным отцом. Его идеи стали основанием сегодняшнего общества, и историки единодушно признают Кальвина «основателем новой цивилизации».

Реформация кардинально изменила облик Европы. Если в Средневековье северные страны вне всякого сравнения были более бедными и отсталыми, чем Италия, Франция, Испания, то после Реформации всё стало с точностью до наоборот. Северные страны, приняв Реформацию, начали стремительно развиваться, и несмотря на менее благоприятные природные условия, быстро богатели, а страны Южной Европы постепенно становились всё более бедными и отсталыми на фоне своих северных соседей. Ряд немецких земель, а также Швейцария, начали переживать стремительный экономический подъём. Наполовину затопленная, уничтоженная сорокалетней войной за независимость Голландия уже через пятьдесят лет стала центром международного денежного рынка, государства, с которым все были вынуждены считаться. В Швеции беженцы-протестанты из других стран Европы положили начало экономическим и политическим преобразованиям, которые создали из страны диких викингов одно из самых влиятельных государств. В Англии Славная революция 1648 года, основной силой которой были пуритане, – английские кальвинисты – стала началом мирового господства Британии. Позднее движение методистов предотвратило в Англии повторение событий Французской революции 1789 года и сделало Англию «мастерской мира». Феноменальная история Соединённых Штатов Америки неразрывно связана с деятельностью евангельских миссионеров и развитием евангельских церквей. Социологи утверждают, что формирование рыночной экономики берёт своё начало в Реформации, которая создала так называемую «протестантскую этику», согласно которой ценность человека определяется качеством его труда. Такой подход к работе стал основой сегодняшнего благосостояния западной цивилизации.

Один из главных принципов обновления духовной жизни заключается в непосредственных отношениях с Богом, которые опираются на чтение и понимание Библии каждым человеком, поэтому развитие Реформации вызвало динамичный рост количества учебных заведений по всей Европе. Каждая евангельская церковь стремилась иметь школу, в которой бы дети и взрослые учились читать, писать, считать и т. д. Лютеранская Швеция стала первой страной, которая ввела всеобщее образование на государственном уровне. Реформация дала начало такой науке, как педагогика. Ян Амос Коменский, проповедник и учитель, ввёл те принципы, на которых базируется современное преподавание, например: «Учитель должен учить не столько, сколько он может, а сколько ученик может понять.»

Чтобы детям было легче усваивать материал, он начал использовать рисунки в учебном процессе.

Читая Библию, многие образованные люди XVI–XVII столетий обратили внимание на то, что Бог хочет, чтобы каждый человек изучал, познавал, развивал и возделывал тот мир, в котором он живёт. Это положило начало развитию естественных наук. Датский астроном Тихо Браге основал в Униборге самую лучшую в Европе обсерваторию, ставшую научным центром Дании. Благодаря этому Тихо Браге провёл точнейшие астрономические расчёты и составил каталог тысяч звёзд. На основе этих исследований немецкий учёный Иоганн Кеплер, посвятивший свою жизнь поиску математической гармонии, в соответствии с которой Бог создал мир, открыл три закона обращения планет вокруг Солнца, окончательно доказав гелиоцентрическое строение Солнечной системы и став одним из основоположников современной астрономии.

Немецкий ботаник Фукс дал науке наиболее полную и систематизированную ботаническую номенклатуру. Английский философ Френсис Бэкон, считавший необходимым возратить господство человека над природой, утерянное после грехопадения, стал одним из основоположников метода научного эксперимента, который предопределил стремительное развитие науки в последующие столетия. Позднее идеи, возникшие из чтения Слова Божьего, вдохновляли математика Готфрида Лейбница и физика Исаака Ньютона. Именно возвращение христианского мира к Библии положило начало астрономии, физике, химии, ботанике, анатомии и другим наукам, без которых невозможно представить современную цивилизацию. Во времена Реформации возникли понятия, известные сегодня как общечеловеческие ценности. Свобода совести, свобода слова, право на жизнь, право на образование и многие другие берут своё начало в XVI веке.

Нельзя не заметить влияния Реформации и на национальное развитие народов. Всякий раз принятие идей Реформации сопровождалось национальным подъёмом, вело к независимости, как в случае с Голландией или Швецией, или поднимало национальную культуру, язык на государственный уровень, как это было в Германии, Франции, Англии. Одним из принципиальных требований реформаторов всегда было требование широкого употребления родного языка.

Можно с уверенностью сказать, что общество, в котором мы сегодня живём, культура, техника, которые нас окружают, стали тем, чем есть, благодаря Реформации. Реформация дала начало процессам, которые изменили мир, именно она стала началом периода, названного историками Новым Временем.

Вдоль Вилии и Нёмана

Движение Реформации, охватившее в XVI веке Европу, не обошло стороной и Великое Княжество Литовское, белорусское государство, истоки которого теряются в тревожном XIII веке. В 1242 году тумыны Бату-хана, превратив в пустыню Владимиро-Суздальскую Русь, прошли огненным катком по Киевщине, Волыни, Южной Польше и Венгрии, оставляя за собой сожжённые дотла города и зарастающие молодым лесом поля. В таких обстоятельствах белорусские княжества, ещё не столкнувшиеся с татарским нашествием, начали объединяться. Центром нового государственного образования стала Литва, край лесов и пушч в окрестностях Новогрудка, где издавна жили вместе, то воюя, то роднясь, славяне и балты. Около 1250 года Миндовг, избранный новогрудским князем, расширил свои владения вплоть до Минска. Талантливый дипломат и мудрый воевода, в 1253 году он был коронован в Новогрудке папским легатом, и таким образом нейтрализовал опасного врага на северо-западе – Тевтонский орден. Появление сильной власти в Верхнем Понемонье обеспокоило соседей, и через несколько лет к границам Беларуси потянулись бесчисленные татарские орды хана Бурундая. Прежде, чем идти на Новогрудок, Бурундай под угрозой войны потребовал от Галицко-Волынского княжества разрушить все укрепления вокруг городов, и князю Даниле Галицкому пришлось совершить этот самоубийственный шаг, потому что кто мог противостоять татарам. Но поход Бурундая на Литву (так в древности называли белорусские земли) не принёс Орде победы. Опустошив окрестности Слуцка и Новогрудка, Бурундай не смог подчинить белорусские княжества и отошёл в причерноморские степи. С тех времён в народе остались предания о битвах с татарами под

Койдановом и Могильном.

Успешно отразив татар, новогрудское княжество начало подчинять себе балтские племена вдоль Вилии и Немана и претендовать на Жамойть, сражаясь при этом с Тевтонским орденом. Одновременно путём соглашения «Старыны ня рухам, навіны ня ўзводзім» к Новогрудку присоединились Полоцк, Витебск, Туров, Пинск. Новое государство, получившее название Великое Княжество Литовское, с самого начала пользовалось новогрудским гербом Погоня – на красном фоне серебряный всадник с поднятым мечом. На белорусских землях «погоней» называлось собрание боярства на войну, всеобщее ополчение.

В первой половине XIV века Великое Княжество Литовское объединило практически всю Беларусь и часть Жамойти и, постоянно отражая нападения крестоносцев с запада и севера и татар с востока и юга. В 1323 году великий князь Гедимин перенёс столицу государства из Новогрудка в Вильню и начал строительство каменных замков в северо-западной Беларуси (в Вильне, Новогрудке, Лиде, Мяделе), чтобы противостоять набегам крестоносцев. Его сын Ольгерд в 1362 году разбил татар в битве у реки Синие Воды и освободил от их господства украинские земли – Киевщину, Волынь и Подолье, положив начало упадку Золотой Орды. Великое Княжество Литовское стало одним из самых больших и могущественных государств в Европе. В это время белорусские земли окончательно объединились и закрепили своё центральное место в государстве, в результате чего, по образному выражению Ф. Богушевича, Беларусь была здесь «как ядро в орехе». Начиная с этого времени и до второй половины XIX века современная Беларусь называлась Литвой, а её жители – литвинами или людьми литовскими, литвой.

Делопроизводство при дворе великого князя велось на двух языках: вся документация, связанная с Западом, писалась на латыни, а документы, предназначенные для собственного государства и в отношениях с восточными соседями, писались как на латыни, так и на церковнославянском языке, который в Великом Княжестве исполнял те же функции, что и латынь в Западной Европе. Эти языки, в сущности, были мёртвыми, но помогали общаться со всеми окрестными народами. Уже в середине XIV века в грамотах, написанных в Вильне или Полоцке на церковнославянском языке, заметно влияние живого белорусского языка, а в начале второй половины XV века старобеларуский язык стал государственным языком Великого Княжества Литовского.

Смерть великого князя Ольгерда вызвала кровавую междоусобную борьбу в Княжестве, в результате чего великим князем литовским стал сын Ольгерда Ягайло. Возглавив государство, Ольгердович оказался в достаточно сложной ситуации, потому что на северо-западе усилил наступление Тевтонский и Ливонский орден, захватив Жамойть, с юга поступали тревожные известия из Орды, на востоке начинались первые конфликты с Великим Княжеством Московским, а на западе не прекращался спор с Польским Королевством о Волыни. Кроме всего, Ягайло не был старшим сыном Ольгерда, и за великокняжеский трон нужно было сражаться и со своими родными братьями, и с двоюродными. Поэтому великий князь литовский искал поддержку в союзе с соседними государствами: или с Москвой, или с Польшей. Однако, едва начав переговоры с Дмитрием Донским, Ягайло быстро отказался от этих шагов, потому что московский князь потребовал от Ольгердовича признать себя «младшим братом» Москвы и окрестить в православие «всю Литву». Союз с Польшей позволял великому князю литовскому стать одновременно польским королём. К тому же это давало возможность совместными усилиями остановить агрессию крестоносцев. После соответствующих переговоров в 1385 году в Криве было подписано соглашение о династической унии (объединении, в котором два государства имеют одного короля). Ягайло со своей стороны обязался окрестить по католическому обряду ещё не крещёных литвинов. Однако Кривская уния не принесла мира Княжеству, не удовлетворённому подписанными условиями. Оппозицию возглавил двоюродный брат Ягайлы Витовт, которого поддерживала значительная часть белорусских бояр. Чтобы окончательно не утратить власть в Великом Княжестве, Ягайло пошёл на уступки и признал Витовта великим князем литовским.

В 1410 году объединённые войска Великого Княжества Литовского и Польского Королевства под Грюнвальдом разгромили армию Тевтонского ордена. Страна облегчённо вздохнула. Завершилась победой почти двухсотлетняя война, западная граница на долгие века стала самой спокойной. Через 100 лет Тевтонский орден признает свою вассальную

зависимость от Польского Королевства, а Ливонский орден станет главным экономическим партнёром Княжества, его столица Рига – торговыми воротами для Беларуси в Западную Европу.

Относительное спокойствие, господствовавшее в Великом Княжестве в середине XV века, а также тесный контакт с Западной Европой преобразил воинственных белорусских бояр в шляхту, которая всё больше занималась устройством своих владений и начинала серьёзно задумываться о своих правах. Грамота великого князя Казимира от 1447 года о праве свободного выезда за границу для учёбы в университетах и «для лепшаго счастья набытья» позволила десяткам и сотням уроженцев Беларуси получить высшее образование в учебных заведениях Кракова, Праги, Вены, Падуи, Болоньи. Только на рубеже XV–XVI веков в Краковском университете училось 140 студентов – литвинов, среди которых был и знаменитый Франциск Скарына из Полоцка.

Вслед за остальными европейскими государствами шляхта Великого Княжества стала ограничивать власть монарха. В 1492 году великий князь Александр издал указ, согласно которому «гаспадар» был обязан поддерживать дипломатические отношения с другими странами только с согласия с панами-радой, в делах внутригосударственных ничего не отменять из того, что было решено совместно с радой, без согласия её членов не делать назначений на государственные должности или освобождать от них, распоряжаться финансами только под контролем рады. Таким образом, государственные полномочия гаспадарской рады Великого Княжества Литовского можно сравнить с полномочиями современного парламента. Это была достаточно представительная структура, в состав которой входили католические епископы, воеводы, каштеляны виленский и трокский, канцлер, гетман, скарбник, маршалки и другие представители государственного аппарата Княжества, всего около 50 человек. В конце XV века оформился ещё один представительный орган государственной власти – сойм, в состав которого входили паны-рада, представители великокняжеской администрации и шляхта со всей страны. Сначала вся шляхта приглашалась на сойм, но затем было введено представительство – два депутата от повета, хотя ни одному шляхтичу не отказывалось в праве на личное присутствие на сойме. Великое Княжество Литовское никогда не было жёстко централизованным государством. Его основой во все времена был договор между великим князем и конкретной землёй. Так в Полоцке и Витебске великий князь не имел права назначать воеводу по своему усмотрению, без согласия земского сойма – собрания представителей шляхты воеводства. Большинство белорусских городов пользовалась магдебургским правом, то есть правом на самоуправление, которое освобождало город от суда и власти великокняжеских воевод.

Беларусь входила в XVI век как европейское государство, жившее теми же самыми принципами, что и остальная Европа. Но с востока надвигались грозные тучи. Московское государство, подчинив себе последних конкурентов, – Великий Новгород и Тверь – вплотную подошло к границам Великого Княжества Литовского. Породнившись с Палеологами, династией Византийской империи, переставшей существовать под ударами турков, московский князь Иван III перенял герб Византии (двуглавый орёл) и её политическую доктрину, провозгласив Москву третьим Римом, а себя – «государём всея Руси». Иван III так сформулировал свою позицию: «Ано не то адно наша отчина, кои города и волости и ныне за нами, и вся Руськая земля, Киев и Смоленск и иные города... с Божьею волей из старины, от наших прародителей наша отчина». И это были не только слова. С 1492 года восточная граница становится самой беспокойной границей Княжества. Следуя одна за другой, пять войн с Москвою опустошали восточную Беларусь. Великое Княжество потеряло Вязьму, Смоленск, Чернигов, Брянск. Однако 8 сентября 1514 года под Оршей 30-ти тысячное белорусское войско во главе с гетманом Константином Острожским наголову разбило 80-ти тысячную московскую армию и на какое-то время остановило агрессию.

Как и по всей Европе, в Беларуси в начале XVI века церковь и религия являлись одним из необходимых элементов жизни общества. Здание православной церкви или католического костёла было местом, где людей крестили, хоронили, где люди собирались в воскресенье и праздники. Церковные колокола регулировали жизнь окрестных селений, предупреждали об опасности. Однако, несмотря на то, что христианство не было новостью в стране, большая часть крестьян, а также горожан и шляхты характеризовалась скорее религиозным безразличием, чем горячей набожностью, молясь и в церкви, и древним языческим богам.

Православная церковь вошла в новое столетие, явно не имея силы дать ответ на вызов времени. Духовный уровень священников скорее отталкивал, чем притягивал людей к вере. «У нас ещё читают старосветские соборники, читают прологи, но их уже не понимают ни тот, кто читает, ни тот, кто слушает», – признавался один из религиозных деятелей того времени. Документы в один голос свидетельствуют о недостойной жизни духовенства: «Аще-лі кто вопрошає їх о книгах, то відповідають: убозі есьмы, не імамы чым книг стяжати. Ходят-же не яко убозі, но різи носяще светлы и блещащєся, расшыряюще воскрыльєя, шеи же яко у тельцов, на заколеніє упітанних». Князь Константин Острожский, сын знаменитого воеводы, с возмущением писал туровским священникам: «Вы не храните достоинство сана своего... ходя по корчмам, питье без меры употребляете». Не намного лучше была ситуация и в католической церкви. Шляхта повсеместно жаловалась на аморальное поведение священников и их необразованность. Скандальную известность получил случай, когда один из епископов запутался и не смог назвать основные правды веры. Жигимонт Август, молодой великий князь литовский, писал в 1547 году краковскому епископу: «Ещё очень свежи у нас в этом нашем Великом Княжестве веяния христианской веры. Потому что здесь, за пределами Вильни, тёмный, необразованный народ поклоняется (не говоря уже о других суевериях) рощам, дубам, липам, ручьям, валунам, ужам, и приносит им жертвы как совместные, так и личные».

Действительно, веяния христианства даже в начале XVI века были очень слабыми в нашей стране. Несмотря на то, что православная церковь существовала на Беларуси со времён Рагнеды, она оказывала влияние только на часть населения. Одновременно с ней в городах действовали католические общины. Но ещё в конце XIV века Великое Княжество по-прежнему оставалось единственным нехристианским государством в Европе.

В 1413 году Беларусь посетил Иероним Пражский, друг и сподвижник Яна Гуса. На протяжении нескольких месяцев он собирал огромные толпы слушателей в Вильне, Полоцке, Витебске, других городах, проповедуя им Слово Божье и призывая жить по вере. Вскоре из Чехии в Вильню прибыла делегация, предлагая великому князю литовскому Витовту стать чешским королём и поддержать гуситов в их борьбе за реформу церкви. Витовт благосклонно принял посланников и обещал помощь. В 1420 году пятитысячное беларуское войско во главе с Жигимонтом Корибутовичем вошло в Чехию, захватило замок Нейстау и провозгласило власть Витовта в Чешском Королевстве. Семь лет литвины и чехи плечом к плечу сражались за право жить по Евангелию, отражая крестовые походы немецких императоров.

Когда воины Корибутовича вернулись на Беларусь, многие из них стали распространять идеи Яна Гуса у себя на родине. Позднее к ним присоединились те, кто получал образование в Пражском университете. Таким образом, последователи Яна Гуса проповедовали на Беларуси со времён Иеронима Пражского.

Около 1490 года папа римский Сикст IV установил инквизицию в Великом Княжестве Литовском, дав ей полномочия обращаться в католичество еретиков и схизматиков. Под схизматиками здесь подразумевались православные, а под еретиками – гуситы, поскольку другого движения, «еретического» в глазах римской церкви, на Беларуси в то время не существовало. В самом начале Реформации на Беларуси мы видим исповедание чешских братьев, которые сперва отделялось от других реформаторов, но затем быстро соединилось с последователями кальвинизма.

Однако действительным началом Реформации для Беларуси стало изданием доктором Франциском Скарыной из Полоцка перевода Библии на беларуский литературный язык того времени. В тот самый год, когда в Виттенберге Мартин Лютер провозгласил 95 тезисов против индульгенций, в Праге доктор медицинских наук начал печатать отдельные книги Ветхого Завета. В предисловиях Скарына писал: «Прото я, Францішек, Скорынін сын с Полацька, в лекарьских науках доктор, разумея сее, іже без страху Божія, без мудрості і без добрых обычаев не ест мощно почстїве жіті людем посполїте на землі, казал есмї тіснуті Прытчі ілі Прысловія...рускія языком напред ко чті і к похвале Створїтелю, Спасїтелю, Утешїтелю Богу в Троїце єдіному... потом людем простым абы, научывшыся мудрості, добре жївучы на свете, мїлостївого Бога хвалїлі, по тому яко же прїлежыть на велїкую высокость і велєможность іменї Его светого». В то время «русским языком» назывался старобеларуский язык, в отличие от церковнославянского, называемого «словенским».

Беларуская Библия, изданная Скарыной, значительно опередила подобные издания у соседних народов, став второй после чешской печатной Библией в славянском мире. Что это значило для Беларуси, красноречиво свидетельствует такой пример. В Санкт-Петербурге, в библиотеке Академии наук, хранится уникальный, искусно выполненный памятник книжного искусства Беларуси начала XVI века – Библия на церковнославянском языке. Её переписывал один человек – Мацей из Торопца, прозванный Десятым, – на протяжении пяти лет: начал в 1502 году в Вильне, а закончил в 1507 году в Супрасле. Книжный фолиант Мацея Десятого по объёму текста немногим превосходит 23 книги Библии, изданные с 1517 по 1519 год в Праге беларуским первопечатником. И хотя Скарына работал не один, если учесть технические трудности при подготовке и выпуске книг печатным способом, его Библию по затратам человеческого труда можно сравнить с рукописной Библией 1507 года. Приблизительно за такое же время, на протяжении которого Мацей Десятый переписывал одну книгу, Скарына смог подготовить к печати и издать несколько сотен комплектов Библии. Поскольку тираж Скарынинских изданий достигал полутора тысяч экземпляров, в целом за два с половиной года из его типографии в Праге вышло более 10 тысяч книг. Такую библиотеку не смогли бы осилить 100 переписчиков и за 10 лет.

Скарына дал своему народу Библию на понятном языке, удовлетворяя в некоторой мере книжный голод, существовавшей в те времена в Великом Княжестве, да и во всей Восточной Европе. Сохранилась переписка между писарем великого князя литовского Якубом и московским зодчим Ермоличем, жившими в конце XV века. Якуб просил своего московского друга приобрести для него Послания апостола Павла, тот ответил, что необходимые книги купить готовыми он не смог и обещал заказать их у «доброписцев». Если даже великокняжеский писарь ощущал нехватку книг и искал их за границей, то приобрести Библию шляхтичу или горожанину было ещё труднее.

В таких условиях уже только печатание Библии само по себе было реформаторским шагом. Современник Скарыны, католический кардинал Гозий, однажды сказал: «Позволить народу читать Библию – значит дать святыню псам и метать жемчуг перед свиньями». Позиции сторонников Реформации и её противников в этом вопросе были прямо противоположными.

Но Скарына не только стремился сделать Библию более доступной, он желал сделать её как можно более понятной читателю. Полочанин указывал на необходимость личных отношений человека с Богом, отрицал нужду в «посредниках» между Словом Божиим и верующим, акцентировал внимание на изучении Библии и на жизни по Слову Божьему, «понеже не толіко докторове і людзі вчені в ніх разумеюць, но всякій человек простой і посполітый, чтучы іх ілі слухаючы, можаць поразуміць, что ест потрібно к душному спасенію его».

Прежде всего на простых людей посполитых ориентированы предисловия Скарыны перед каждой из книг. В этих предисловиях доктор Франциск давал разнообразные сведения по истории, географии, культуре, особенно касающиеся народов Ближнего Востока. Чаще всего свои предисловия реформатор начинал с объяснения названия книги, а затем кратко излагал её содержание: «Сія кніга Есфер называецца еврейскім языком Мьгіля, то ест лісты ілі грамоты, пішеть в ней найболей о том, яко Аман побрал лісты от царя Асвера на побітїе всех іудеев, і теже яко царіца Есфер выбавіла іх от побітїя і выпросіла от царя лісты протівныя».

Кроме предисловий каждую главу Библии предварял так называемый аргумент – краткое содержание главы. Стремясь, как и другие деятели Реформации, научить читателей понимать Библию, Скарына давал на полях объяснение непонятных церковнославянских или греческих слов, а также параметры мест Писания, где говорится о чём-либо подобном: «Так же будь ведома, положи́л есмí некоторые на сторони́цах в сей Псалты́рі главы з розных кніг, а то для того, абы знакоми́то было іже всі іныє светые пісма згожаються с Псалты́рею і одно на другое светчыть. А то, чтучы в тых кнігах, іже суть главы на боцех описаны, знайдете. Так же положи́л есмí на боцех некоторы́я слова для людей простых, не рушаючы самое Псалты́рі ні в чем же, яко суть онагрі і геродеево жыліще і хлябіе, і іныє слова, которы́и суть в Псалты́рі неразумны́и простым людем, найдуть іх на боцех рускім языком, что которое слово знаменуєть. Теже розделі́л есмí всі псалмы на стіхі по тому, яко ся в ыных языцех деліть».

Даже размеры изданий Скарыны, свидетельствуют, что реформатор печатал Библию

для ежедневного чтения людей посполитых, а не для литургических целей. Если напестольные Евангелия в то время выпускались «в аркуш», то книги Скарыны были напечатаны «в четвёрку», это значит в четыре раза меньше, а то и в «в восьмёрку», что делало их удобными для читателя. Несмотря на сдержанную, а зачастую и открыто враждебную позицию православного духовенства, переводы Скарыны широко разошлись по всему Великому Княжеству, давая возможность сотням и тысячам литвинов понять Слово Божье. Скарына своей деятельностью подготовил изменения в сознании и способе мышления своих соотечественников, заложил основания подъёма Реформации в Беларуси в середине XVI века. Через сто лет униатский архимандрит А.Селява, обращаясь к православным, писал буквально следующее: «Перед унией (Брестской 1596 г.) был Скарына, еретик гусит, для вас печатавший в Праге книги по-русски». Кстати, это единственное упоминание в документах той эпохи, которое говорит нам о вероисповедании Скарыны.

На протяжении долгих лет среди учёных не умолкают споры о том, кем был по вероисповеданию Франциск Скарына из Полоцка, католиком или православным, хотя аргументация той и другой стороны базируется только на косвенных доводах. Сам Скарына нигде в своих произведениях не пользовался словами «католический» или «православный», он всегда говорил о христианстве. А все источники XVI века, в которых говорится про Скарыну, свидетельствуют о широкой реформаторской деятельности белорусского первопечатника, недаром Селява называет его «еретиком гуситом». Когда в миссионерском запале Скарына повёз свои Библии в Москву, все книги по распоряжению московского царя были сожжены, потому что православные богословы заявили о влиянии идей Лютера на издания Скарыны. Через несколько десятков лет князь Андрей Курбский, бежавший от Ивана Грозного в Великое Княжество, резко критиковал в своём письме к Григорию Ходкевичу, великому гетману литовскому, перевод Скарыны, обвиняя полочанина в «преступной связи» с Реформацией, в искажении православной веры и еретическом мышлении. Он утверждал, что Библия Скарыны «растленна», противоречит «всем апостольским и святым уставам» и во всём согласна с Библией Мартина Лютера.

В 1530 году великий князь литовский Жигимонт Старый провозгласил в Вильне первый декрет против «лютеран и анабаптистов», в котором запретил проповедь антикатолических взглядов не только публично, но и в частных разговорах, а также распространение книг подобного содержания. Этот документ не называет никаких фамилий, но после оглашения декрета Франциск Скарына выехал из Вильни в Кенигсберг к Альбрехту Гогенцоллерну, который уже провозгласил лютеранство вероисповеданием своего государства. Через несколько месяцев мы снова видим Скарыну в Вильне, но с письмами от прусского герцога к виленскому воеводе и виленскому магистрату, в которых герцог Альбрехт просит не притеснять доктора Франциска из Полоцка. Все эти факты ясно свидетельствуют, что одним из тех «лютеран и анабаптистов», против которых был направлен великокняжеский декрет, был и белорусский первопечатник Франциск Скарына.

Вся деятельность Скарыны – это прежде всего реформаторская деятельность, направленная на возобновление личных отношений человека с Богом. Все предисловия первопечатника пронизаны идеями Реформации, горячим желанием вернуть христиан к первоисточнику – Библии. И поэтому абсолютно справедливо мы можем назвать Франциска Скарыну одним из первых деятелей Реформации в Великом Княжестве Литовском, начинателем белорусской Реформации.

В своём желании возратить христианству евангельский облик Скарына не был одинок. Уже в 1525 году монах-францисканец Станислав Рапегелан проповедовал в Вильне учение Мартина Лютера. В скором времени он уехал в Виттенберг, долгое время был учеником самого Лютера и получил от него степень доктора богословия, а затем вернулся на Беларусь продолжить проповедь идей реформы.

Реформацией начали живо интересоваться горожане и шляхта, многие из которых познакомились с её идеями во время поездок за границу. Этому никак не мог воспрепятствовать ни уже упомянутый великокняжеский декрет в 1530 году, ни следующий подобного рода документ в 1538 году. В 1539 году при поддержке трокского воеводы Гаштовта магистр свободных наук Юрий из Эйшишек пробовал основать в Вильне лютеранскую школу, но это ему запретила капитула (совет католических священников). Но в том же 1539 году другой выпускник Виттенбергского университета, Авраам Кульва открыл

школу, в которой училось более 60 учеников, прежде всего дети магнатов и шляхты. Кроме того, он проповедовал идеи Лютера в виленском костёле святой Анны. Деятельность Кульвы настолько распространила евангельское учение среди жителей Вильни, что виленский епископ Павел Гольшанский был вынужден обратиться к Жигимонту Старому с просьбой помочь остановить распространение «сектанства». В 1542 году в новом декрете король и великий князь приказал Кульве отречься от своих взглядов, а также угрожал каждому шляхтичу лишением дворянского звания и конфискацией имущества в случае, если тот будет исповедовать учение Лютера, запрещал направлять молодёжь на учёбу в Германию и приглашать немцев в качестве воспитателей и учителей. Однако никакие декреты и репрессии не могли остановить духовное обновление, и уже в следующем году был отменён закон, запрещавший учёбу в немецких университетах.

Звёздный час Микалая Радзивила

Весна 1554 года была нелегкой для луцкого епископа Валериана Протасевича. В Бресте Литовском, важном городе луцкого епископства, уже больше года некий Сымон Зак, воспитанник Краковского университета, проповедует учение швейцарского еретика Жана Кальвина. И мало того, что проповедует. Хуже всего то, что его слушают. Не только брестчане, но и окрестная шляхта каждое воскресенье собирается в замке, где остановился этот вероотступник, чтобы послушать, как они говорят, Слово Божье. Все ищут чего-то нового, не нравится им вера предков. Нужно срочно принимать меры, иначе эта зараза расплзется по всей Литве, как лютерова ересь заполонила Германию.

Епископ позвал писаря и приказал написать повестку на епископский суд в Янов Полесский для еретиков, которые искажают истинное христианское учение: Сымона Зака, Иеронима Пекарского и Альбинуса, по великому христианскому милосердию предоставляя им шанс отречься от своих ошибок и вернуться в лоно католической церкви. В повестке приказал также отметить, что подсудимые могут приехать на заседание суда в сопровождении лишь четырёх человек – друзей или родственников. 22 апреля епископ Протасевич сел в свою карету и направился в Янов. Подъезжая к местечку, он заметил на дороге большую группу всадников. Это Зак и Пекарский ехали на епископский суд. Правда, было с ними не четверо, а триста человек брестской шляхты, все на конях, в латах, с копьями и саблями. Только эти всадники отличались от тех, шляхетских отрядов, которые не однажды встречал луцкий епископ в своей жизни. Не было слышно пьяных выкриков, ругани, никто не бил себя кулаком в грудь, доказывая что-то остальным. Кони шли неторопливо, а каждый всадник держал в руке раскрытую Библию, и в такт лошадиной ходьбы к небу возносились слова псалмов, которые читало это необычное войско. Что должен был делать в такой ситуации глава луцкого епископства? Стать лицом к лицу с тремя сотнями вооружённых, закалённых в битвах воинов? Что он им скажет? Епископ Протасевич решил не рисковать, приказал развернуть карету и заочно присудил Зака и его товарищей к изгнанию и конфискации имущества.

Почему епископ, голос которого совсем недавно так много значил для шляхты, который имел многочисленные королевские привилегии, ничего не смог сделать с каким-то проповедником? Что произошло в Великом Княжестве, что идеи Реформации завоевали так много сторонников? Ответ на этот вопрос связан с деятельностью одного из крупнейших представителей белорусской Реформации – князя Микалая Радзивила Чёрного, человека, который широко открыл двери обновлению христианства в Беларуси, на протяжении нескольких лет сделав Великое Княжество страной Реформации.

Микалай Радзивил Чёрный родился в Несвиже 4 февраля 1515 года. Рано оставшись без отца, он вместе с младшим братом Яном и сестрой Анной был взят на воспитание на королевский двор в Краков. В Кракове молодой магнат учился в университете, а также приобретал знания, необходимые для государственного деятеля, наблюдая за политической жизнью польской столицы. Прозвище «Чёрный» Микалай Радзивил получил чуть позже из-за цвета своей бороды, чем отличался от своего двоюродного брата, великого гетмана литовского Микалая Радзивила Рыжего.

Известный в Великом Княжестве магнатский род Радзивилов всегда славился своим патриотизмом. Не был исключением и Микалай Чёрный. В это время политическая жизнь

Великого Княжества Литовского переживала упадок, вызванный многолетним отсутствием великого князя Жигимонта Старого в государстве, находившегося все время в Кракове и посещавшего Вильню раз в несколько лет. Микалай Радзивил, видя, как государство гибнет без соответствующего лидерства, предложил беларуским магнатам обратиться к Жигимонту Старому с просьбой о передаче реальной власти в княжестве сыну короля Жигимонту Августу, который в 1529 году был уже формально избран и на польский, и на литовский трон. Это предложение Чёрного попало на благодатную почву, и осенью 1544 года на Брестском сойме Жигимонт Август де-факто становится властителем Великого Княжества Литовского. Тридцатилетний Микалай Радзивил стал главным советником и правой рукой великого князя, с которым его связывали долгие годы дружбы ещё со времени нахождения в Кракове при королевском дворе. Эта позиция Чёрного была закреплена должностью великого маршалка, самой главной после канцлера должностью в Великом Княжестве, которую дал своему другу Жигимонт Август. В компетенцию маршалка входили судебная власть высшей инстанции и вопросы внешней политики страны.

Влияние Микалая Радзивила на ход государственных дел еще больше увеличилось, когда вскоре Жигимонт Август влюбился в Барбару Радзивил, двоюродную сестру Чёрного. Молодая вдова трокского воеводы жила в то время во дворце своего брата Микалая Радзивила Рыжего. Великий князь часто навещал её, и слух об этом быстро разошёлся по всей стране. Братья Барбары обратились к своему монарху с просьбой, чтобы тот своим ухаживанием за их сестрой не бесславил род Радзивилов и не посещал дворец в Лукишках во время их отсутствия. Жигимонт Август согласился и какое-то время не приходил к Барбаре. Однажды, услышав, что братья выехали из Вильни, великий князь нарушил своё слово и тайно появился в Лукишках. Но, войдя во дворец, вместо любимой Жигимонт Август увидел братьев Микалая Чёрного и Микалая Рыжего. Великий князь не стал хитрить и объявил, что хочет жениться на Барбаре. «Дай же Бог», – ответили братья и сразу же позвали священника. Свадьба Жигимонта Августа и Барбары Радзивил была тайной, и почти год о ней практически никто не знал. Только когда в 1548 году умер Жигимонт Старый и великий князь литовский Жигимонт Август получил польскую корону, выяснилось, что у молодого короля есть жена литвинка. Чтобы повысить статус своей сестры в глазах польского общества, Микалай Радзивил Чёрный в 1547 году поехал в Вену, где получил княжеский титул из рук императора Карла V. На протяжении нескольких следующих лет Микалай Радзивил Чёрный становится некоронованным королём Литвы. В его руках сосредоточились важнейшие государственные должности нашей страны. В 1549 году он занял пост трокского воеводы, через два года стал канцлером Великого Княжества Литовского, а ещё через год получил виленское воеводство (самую главную воеводскую должность в стране). Смерть королевы не пошатнула доверия Жигимонта Августа к Микалаю Чёрному. Великокняжеским указом он получил право хранить в своём архиве в Несвиже все бумаги и документы, связанные с внутренней и внешней политикой Великого Княжества, и это приравнивало несвижский архив к государственному. Учитывая, что Жигимонт Август большую часть времени находился в Польском Королевстве, фактическая власть в стране была сконцентрирована в руках Микалая Радзивила.

Но не только политическая карьера интересовала князя Микалая. Время стремительного возвышения было также периодом сложных духовных поисков. Реформация, которой жила Европа XVI века, не могла оставить равнодушным Микалая Радзивила. Впервые он столкнулся с идеями обновления христианства во время учёбы, когда, выезжал в Германию для завершения своего образования. Возвратившись в Вильню, молодой магнат познакомился с виленскими лютеранами. В это время он близко познакомился с Авраамом Кульвой, пламенные проповеди которого вызывали у молодого Радзивила восхищение верой и убежденностью этого человека. Когда в 1542 году Кульва, спасаясь от преследований, уехал в Кенигсберг, где стал профессором тамошнего университета, Микалай Радзивил взял на себя заботу о больной матери одного из первых проповедников Реформации в Вильне.

В то же время Ян Радзивил, младший брат Чёрного, поехал на лечение в Италию. По дороге он заехал в Виттенберг и познакомился там с Филиппом Меланхтоном, учеником и сподвижником Мартина Лютера. Проведя некоторое время в столице Реформации, Ян Радзивил принял евангельское учение и стал его горячим последователем. Следующие два года, которые он провел в Италии, только укрепили Яна в правильности сделанного выбора.

Возвратившись на родину, Ян Радзивил начал проповедовать учение Лютера среди всех своих многочисленных родственников. И хотя виленский епископ Павел Гольшанский косо смотрел на деятельность молодого реформатора, помешать ему он не мог. Тем более, что к Реформации стал склоняться дядя Радзивилов, богатейший магнат Великого Княжества Станислав Кежгайло.

Но лавина событий, участником которых стал Микалай Радзивил Чёрный, помешала ему занять конкретную духовную позицию. Напряженный Брестский сойм, агитация за Жигимонта Августа, должность маршалка, посольства, заседания панов рады, тайная свадьба Жигимонта Августа и Барбары Радзивил, смерть Жигимонта Старого и коронация Жигимонта Августа, коронация Барбары, ради которой Микалай Чёрный был вынужден больше года преодолевать сопротивление магнатов Польского Королевства, брак с Альжбетой Шидловецкой, получение титула князя, поход против крымских татар на Волынь. Казалось бы, нет времени, чтобы остановиться и задуматься.

В 1551 году неожиданно умирает двоюродная сестра Микалая Радзивила королева Барбара. Спустя несколько месяцев отходит в вечность младший брат Ян. Смерть близких людей всегда заставляет человека задуматься о смысле жизни... Микалай Радзивил остановился в своей деятельности. «Человек – как трава, и вся слава его – как цвет травы, засохла трава, и цвет опал; но Слово Бога пребывает вечно», – пришли на память слова из Библии, которая с новой силой начала притягивать к себе князя Микалая. Из далекого Виттенберга пришло письмо, это Филипп Меланхтон прислал элегию на смерть Яна Радзивила. Канцлер Великого Княжества снова и снова вспоминал слова брата, как тот рассказывал про Мартина Лютера, про оправдание верой, про молитву, про Библию.

В поисках ответа на свои вопросы, Микалай Радзивил Чёрный обратился к книгам, хранившимся в великокняжеской библиотеке, среди которых была роскошная Библия в переводе Лютера с его собственным посвящением Жигимонту Августу; комментарий Кальвина к Посланиям апостола Павла, посвященный великому князю литовскому; множество евангельской литературы, особенно той, которая печаталась в Кенигсберге по распоряжению прусского герцога Альбрехта. Князя Микалая глубоко взволновало пламенное «Обращение к христианскому дворянству немецкой нации» Лютера, побудили серьезно задуматься «Христианское воспитание» Кальвина и другие работы отцов Реформации. В октябре 1556 года в открытом письме к папскому нунцию Липпомано Микалай Радзивил написал, что он был бы рад видеть в Великом Княжестве не только Кальвина, но и Меланхтона и других реформаторов. Евангельское учение восхищало князя Микалая. Живая вера, непосредственные отношения с Богом – это то, чего так желала его душа, это то, что так необходимо было его стране. Теплым августовским вечером 1552 года виленский воевода в сопровождении 30-ти всадников приехал в Брест, чтобы провести ревизию инвентаря Брестского старостства. Брестский каштелян (комендант замка), давая отчет князю Микалаю, среди вопросов, которые необходимо было решить, вспомнил о некоем Сымоне Заке, проповеднике, которого объявили еретиком и который искал убежища в Бресте. Виленский воевода уже слышал об этом человеке и о его проповедях, поэтому приказал срочно позвать его к себе. На следующий день в Брестском замке начался банкет в честь приезда князя Радзивила. Шляхта пила вино за здоровье многоуважаемого гостя, но сам виленский воевода пить отказывался. Почти весь вечер он разговаривал с каким-то скромно одетым мужчиной, которого никто из присутствующих не знал. Через несколько дней Микалай Чёрный, собрав всех уважаемых людей староства, торжественно объявил, что в Брестском замке с этого дня будет организована евангельская церковь, министром (проповедником) в которой будет Сымон Зак, магистр богословия Краковского университета. Глядя на нового проповедника, многие узнали в нем того незнакомца, с которым долго беседовал во время банкета виленский воевода.

Весной 1553 года Микалай Чёрный с посольством отправился к императору Фердинанду. Проезжая Германию – колыбель Реформации – виленский воевода смотрел на неё другими глазами. Он и раньше бывал в этих местах, но теперь, видя обновлённую немецкую церковь, Микалай Радзивил окончательно определил свою позицию как евангельского христианина. Возвратившись в Вильню, канцлер Великого Княжества Литовского, виленский воевода князь Микалай Радзивил Чёрный публично объявил, что он исповедует евангельскую веру, свободную от всякого идолопоклонства, и что основывает

кальвинистскую церковь в своем дворце на Лукишках, приглашая туда всех, кто желает исповедовать истинную веру Христову. Виленского воеводу глубоко тронули работы Жана Кальвина, его видение христианской жизни как служения всемогущему Богу, понимание, что каждый человек пришел в этот мир не случайно, а чтобы исполнить свое предназначение. Князь Микалай нашел у женеvского реформатора ответы на многочисленные вопросы как личные, так и те, что волновали его как одного из руководителей государства.

В том же году Микалай Радзивил Чёрный издал на свои деньги в Бресте катехизис христианской веры для простого народа. Одновременно во всех своих огромных владениях он открывает новые церкви, или, как их тогда называли, зборы, где собирались горожане и шляхта слушать проповедь Слова Божьего. Виленский воевода не жалел ни сил, ни средств, чтобы распространить веру в живого Бога по всему Великому Княжеству. Он мечтал о том, чтобы сделать кальвинизм господствующим вероисповеданием в нашей стране. Через несколько лет в предисловии к книге «Учение об истинном и ложном покаянии», обращаясь к Микалаю Чёрному, Лаврентий Дискордия писал: «Ибо это очевидно для каждого, и не только в Княжестве Литовском, что как только Господь Бог в Своем милосердии Свое Слово и истинное учение перед глазами этого мира показал и объявил, сразу же Ваша княжеская милость раньше всех остальных Слово Божье и истинное Его поклонение черех Духа Святого возлюбил и крепко ухватился, и не только сам, но, как истинный апостол или второй Корнилий, привёл к этому многих. Сначала любимую жену, которая в начале не соглашалась и долго противилась по причине некоторых своих знакомых, Ваша княжеская милость чистой своей проповедью и напоминанием других людей христианских привёл к принятию Слова Божьего вместе с детьми, слугами и служанками, и подвластными своими. И теперь каждый явно видит и слышит, что практически все именитые дома в Княжестве Литовском, и в Жамойти, и на Руси, глядя на Ваш пример и напоминаниями Вашей княжеской милости, часто слушая Слово Божье от своих проповедников, пришли и сегодня продолжают приходить, по воле и милосердию Божьему, к познанию Слова Его».

Микалай Чёрный с огромным энтузиазмом поддерживал каждую инициативу реформы церкви в Великом Княжестве. Однако задача, которую поставил себе виленский воевода, была непростой, несмотря на то, что он имел огромную власть и немалые средства. Сталкиваясь с разными проблемами в проведении преобразований, князь Микалай вёл постоянную переписку с немецкими и швейцарскими реформаторами: Кальвином, Булингером, Вольфом, Меланхтоном, и советовался с ними по многочисленным практическим и богословским вопросам.

Микалай Радзивил не был единственным человеком, желавшим Реформации в Великом Княжестве. Буквально через месяц после Микалая Радзивила о своем покаянии объявил Иероним Ходкевич и Станислав Кишка. Не прошло и года, как сторонниками Реформации стали Воловичи, Глебовичи, Сапеги, Вишневецкие, Войны, Пацы, Зеновичи, Огинские, Пронские, Нарушевичи, Шеметы и другие. Шляхта, как католики, так и православные, массово переходила в кальвинизм, а горожане активно принимали учение Лютера. По-разному происходили эти покаяния. У князя Павла Друцкого-Соколинского, тивуна трокского, жена стала ходить на кальвинистские богослужения. Князь на первых порах злился, кричал, что жена предала веру, потом перестал обращать внимание. Однажды, во время банкета у витебского гродского судьи Ольбрехта Вильчка, дом которого стоял по соседству, кто-то из гостей высказал гениальную идею как проучить непокорную жену: взять палку и выгнать её от тех кальвинистов, а сборище их разогнать. Полный праведного гнева на обидчиков православной веры, князь Друцкий-Соколинский вместе с вооружившимися палками слугами направился в другой конец Витебска искать кальвинистский збор. Когда, однако, он вошёл в дом, где проходило богослужение, проповедник не только не испугался разгневанного князя, но, наоборот, предложил ему сесть на лавку и послушать проповедь. Позднее тивун трокский вспоминал, что его охватили такой страх и трепет, что покажи ему место под лавкой – он бы и там сел безо всякого сопротивления. Вскоре князь Павел покаялся, а через несколько лет витебский гродский судья заверял дарственную грамоту для витебского кальвинистского збора: «Я, князь Павел Друцкій-Соколінскій, маршалок его королевской милости, тивун і городнічый троккій, мілуючы правдівое слово Божое у зборе светом евангеліцком проповеданое і для размноженія і розшыренія в нем верных Панскіх, ку вечной чэсті і фале Пана Бога Вшэxмогонцого і Сына Его едынаго Хрыста Пана і Духа

Светого, ку збудованню збору светого власным коштом своїм надал і на вечность од давного часу запісал пляц і огород свой, лежачый в Замку Ніжнем вітэбском».

В советской исторической литературе распространено мнение, что главной причиной массового принятия Реформации беларускими магнатами и шляхтой было стремление захватить имущество католической или православной церкви и желание иметь дешёвую, не требующую особых затрат церковь в своих владениях. Однако даже поверхностного взгляда на ситуацию, сложившуюся в середине XIV века в Великом Княжестве Литовском, достаточно, чтобы опровергнуть такое утверждение. Земельные владения далеко не самых богатых беларуских магнатов, таких как Горностаи или Тальвашы, намного превосходили владения католических епископств. Православная церковь жила преимущественно за счёт помощи богатых опекунов и практически не имела более-менее серьёзной собственности. В то же время строительство новых зборов, распространение идей Реформации, само создание нового образа церкви требовало немалых финансовых затрат. К тому же реформированные церкви требовали от своих верующих без сравнения большей посвящённости, а самое главное – настоящей, живой веры. Если же обратиться к документам того времени, то личная переписка беларуской шляхты свидетельствует о том, что основными причинами поддержки Реформации были личная вера, рожденная от слышания Слова Божьего, и желание видеть церковь, соответствующую ее образу, описанному в Библии.

В 1556 году вся Европа читала ответ Микалая Радзивила Чёрного на открытое письмо папского нунция (посла) в Польше Алоиза Липпомано. В январе этого года нунций в своем письме обвинил виленского воеводу в содействии вероотступничеству и раскритиковал его взгляды, призвав вернуться в лоно католической церкви. Ответ Микалая Чёрного, написанный на латыни и изданный в Кенигсберге в октябре того же года, стал своеобразной декларацией беларуской Реформации. Виленский воевода фактически первым среди реформационных деятелей Великого Княжества сформулировал доктрину евангельских церковей в стране.

Прежде всего Микалай Чёрный опроверг концепцию повсеместности власти папы римского: «Мы целиком согласны с тем, что царство Христово должно быть, в соответствии со Священным Писанием, распространено по всей земле, от моря и до моря, от всех рек и до окраин мира. Но это царство вовсе не таково, как империя Кира, или Александра, или Цезаря Августа, которые славились своими несметными богатствами. Царство Христово – это духовное единство людей, где нет богатств. Сам Христос говорил: Царство Мое – не от мира сего». Далее виленский воевода высказал программу своих действий с целью реформы церкви: «Основывая в моих владениях и там, где простирается моя власть, зборы и алтари новой веры, я делаю это для возвращения истинной веры Христовой, свободной от папских выдумок и идолопоклонства. Я сбросил с алтарей богов, оправленных в золото и серебро и закрытых в ящиках, достойных всяческого презрения, которых вы, как язычники, почитали... При каждом, в духе истинной веры организованном зборе, есть кафедра проповедника, с которой верующим говорится не о выдумках Скотта, Эна, Пигиуса, Вицелиуса и тому подобных, но истинное Слово Божье... Наши проповедники хорошо знают истинное учение Христово и проповедуют не каноны и декреты, а слово вечно живого Господа Бога... Книги, которые я сам читаю и другим читать советую, не еретические хотя бы потому, что папский посол их охаял. Они открывают людям чистое Евангелие. Некоторые из этих книг я за свои деньги печатал и печатать буду... Мы, придерживаясь старых канонов, апостольских наставлений и учений других святых мужей, хотим, чтобы духовные служители не были разлучаемы с женами, что и Священное Писание советует... Найсвятейшее и найдостойнейшее таинство тела и крови Господа моего Иисуса Христа, которая установлена Им Самим и через спасённых людей нам переданная, почиталось в церкви Христовой с давних времен. Её святость и для нас превыше всего, и нет никакого идолопоклонства, если оно совершается искренне и в порядке. Господи Боже, сделай так, чтобы мы, отбросив все нелепые выдумки, обратились наконец к служению, что было принято апостолами и существовало в греческой церкви во время Златоуста и Василия, а в латинской – во времена Амвросия, Иеронима и Августина». Отдельно князь-реформатор остановился на вопросе о языке в служении церкви: «Я так считаю, что все люди, вознося славу, молитвы и благодарение Господу Богу за Его благословения, должны совершать это с чистыми мыслями и искренним сердцем. Поэтому необходимо, чтобы тот, кто это делает,

обязательно знал язык и постигал смысл сказанного. Если же богослужение идет на латыни, греческом или каком другом, непонятном простому человеку языке, то он и рад был бы искренне молиться Господу Богу и славить Его, вкладывая в это своё сердце и разум, но, к сожалению, не может понять ни смысла своих слов, ни сути своих поступков. Именно по этой причине я так считаю: на каком языке каждый народ способен постигать тайны Слова Божьего, на том языке нужно проводить святые церковные служения». Папский посол заявил, что правоверность католической церкви подтверждает тот факт, что она объединяет большинство христиан, поэтому сомнительно, что в столь малом собрании, к которому принадлежит виленский воевода, можно услышать истинное учение Христа. Микалай Чёрный не обошёл вниманием и этот выпад: «От начала мира истинная вера, через которую Бог объявлял людям правду, была всегда в меньшинстве, гонимая. Так же происходит и сегодня. Поэтому я буду лучше в этой пренебрегаемой нунцием церкви как еретик, чем в римской церкви как святой... Я покровительствую добрым и порядочным проповедникам, понимающим истинное учение и добрые обычаи и знающим должное служение Христово. Они мне открывают правду и говорят о вечном и бессмертном Боге и Его безграничной воле, объявленной через единственного Сына Иисуса Христа и переданной через апостолов».

Для укоренения идей Реформации в Великом Княжестве Микалай Радзивил Чёрный начал повсеместно организовывать евангельские церкви. Вслед за Брестом и Вильней кальвинистские зборы возникают в Несвиже, Клецке, Ивье, Койданове, Орше. Остальные магнаты действовали по примеру виленского воеводы. Князя Пронские основали збор в Иказьни, Кишки – в Венгрове, Дорогостайские – в Ошмянах, и так во многих городах и местечках по всей Беларуси. Чаще всего новые зборы возникали не за счёт уже существовавших костёлов или православных церквей. Верующие или строили свои храмы, или собирались в каких-либо общественных или частных зданиях, как, например, в замке в Бресте или во дворце Радзивила в Вильне. Для работы во вновь возникших зборах приглашались пастора и проповедники, известные своей образованностью и ораторскими способностями, часто из-за границы, потому что своих служителей не хватало. Деятельность пасторов не ограничивалась только лишь проповедью и проведением служений. Микалай Чёрный желал, чтобы христиане стали авангардом нации, поэтому большое внимание придавал образованию. Благодаря его усилиям при каждом зборе были открыты начальные школы, в которых молодые люди учились чтению и письму, а также основам христианской веры. Практически вся будущая элита Великого Княжества, те люди, которые определяли жизнь страны до начала XVII века, учились именно в таких школах. Кальвинистские школы, принципиально отличаясь своей системой образования, давали значительно лучшее образование, чем католические школы того же времени, и этим также содействовали быстрому распространению Реформации. Виленская школа, основанная Микалаем Радзивилом Чёрным одновременно со збором, в конце XVI века претендовала на статус академии, но из-за сильного противодействия католической иерархии и короля Жигимонта Вазы этот проект не удалось осуществить.

Один из ключевых деятелей реформаторского движения в Великом Княжестве князь Микалай Радзивил отлично понимал необходимость книгоиздательской деятельности для успеха Реформации в стране. Он видел, как именно благодаря печатному слову идеи Лютера и Кальвина стали известны всей Европе и серьёзно повлияли на жизнь народов. Поэтому почти одновременно со збором в Брестском замке воевода основал типографию, в которой за свои деньги издавал различную евангельскую продукцию: катехизисы, песенники, учебники, полемические произведения, комментарии к Библии. Наконец в 1563 году Микалай Радзивил Чёрный осуществил грандиозный издательский проект – перевод и издание Библии на польском языке. Живой разговорный язык жителей Великого Княжества был своей лексикой более похож на польский язык, чем на церковнославянский, поэтому это издание было необходимо не только христианам Польского Королевства, но могло быть использовано и в многочисленных зборах в Великом Княжестве. Виленский воевода пригласил к себе известных учёных христиан, знающих еврейский и греческий языки, и поручил им перевод всей Библии с языков оригинала: Ветхого Завета – с еврейского, а Нового Завета – с греческого. До конца 1562 года работа над рукописью перевода была закончена, и 4 сентября 1563 года из брестской типографии Радзивила Чёрного вышли первые экземпляры роскошно изданной Радзивиловской, или Брестской Библии с собственным предисловием

князя-реформатора. На это издание Микалай Чёрный пожертвовал огромную сумму – 10 тысяч дукатов – годовой доход всех своих владений.

Однако виленский воевода никогда не забывал и о нуждах своей страны, и, одновременно с Брестской Библией в несвижской типографии князя Радзивила вышли в свет два кальвинистских издания на старобеларуском языке: «Катехизис» и «Об оправдании грешного человека перед Богом», подготовленные Сымоном Будным. В обращении к князьям Радзивилам в предисловии к «Катехизису» мы читаем: «Слушная бо рэч ест, абы Вашы княжыцкіе мілості того народу язык міловаті рачылі, в котором давные предкі і іх княжецкіе мілості панов отцы Вашіх княжецкіх мілостей славне преднейшыя положеньства несуть».

Великие перспективы и великие упущения

Тревожные события 1563 и следующего 1564 года подорвали здоровье виленского воеводы Микалая Радзивила Чёрного. Он чувствовал приближение смерти и поэтому торопился. Всё меньше занимался политикой, а всё своё время посвящал тому, чтобы укрепить евангельскую церковь в стране. За последние двенадцать лет он сделал многое, чтобы укоренить Реформацию в Великом Княжестве. Казалось, можно было смотреть в будущее спокойно, но тревога не покидала князя Микалая. Его беспокоили вести с войны, открыто пропольская позиция великого князя. Вдобавок ко всему в самом евангельско-реформированном Объединении начались споры, сеявшие разделение между братьями. В апреле 1565 года князь Микалай тяжело заболел. 27 мая он позвал к себе своего старшего сына и просил его твёрдо держаться евангельской веры, заботиться о зборах и проповедниках. Затем позвал писаря и начал диктовать завещание. В своей последней воле виленский воевода снова и снова вспоминал о нуждах евангельских церквей: «А на тот костел, где тело мое поховано будет, и на школу одпісую всі Бібліі, накладом моем друкованые в Бересті». На следующий день Микалай Радзивил Чёрный, патриот и реформатор, некоронованный король Литвы, лидер евангельского движения в Великом Княжестве Литовском, умер.

Смерть Микалая Чёрного вызвала нескрываемую радость врагов Реформации в нашей стране, но дело жизни виленского воеводы нашло достойных последователей. Во главе реформационного движения стал его брат, великий гетман литовский Микалай Радзивил Рыжий. Андрей Венгерский, автор одной из первых работ по истории Реформации в Восточной Европе «Slavonia Reformata» («Реформированное славянство») так описывает события, связанные с принятием князем Микалаем Радзивилом Рыжим кальвинистского вероисповедания: «Князь этот, одержав 26 января 1564 года славную победу над Москвой, поехал в Ченстохову, намереваясь исполнить обет, данный перед битвой. Такого знатного гостя монахи приняли с великой радостью, и, желая укрепить его в католической вере, потому что он уже колебался, уговорили какого-то крестьянина притвориться одержимым злым духом. Когда же они изгоняли из него бесов, желая показать, что они истинные последователи апостолов, князь разгадал их замысел и, позвав того человека, узнал от него самого, что монахи его подкупили, чтобы он сделал вид одержимого. По этой причине князь, возвратившись в Литву, отрёкся ошибок римской церкви и перешёл в церковь реформированную, и сыновей своих, Микалая и Крыштофа, распорядился воспитывать в этом учении». Ещё раньше великий гетман литовский благосклонно относился к Реформации, поддерживал многие начинания своего брата Микалая Чёрного, но почему-то долго не определял своей позиции. События в Ченстохове стали той каплей, которая вызвала твёрдую решимость Микалая Рыжего не быть тёплым, но стать горячим. И нужно отметить, что произошло это очень своевременно.

Смерть Микалая Чёрного стала серьёзным испытанием для кальвинистов Великого Княжества. Богословские споры разгорелись внутри евангельско-реформированного Объединения с неслыханной силой и привели к разделению единого реформированного збора на так называемый больший збор – собственно кальвинистов, верных учению Жана Кальвина, и меньший збор – так называемых ариан, или антитринитариев, которые сами называли себя литовскими братьями. Основной причиной разделения стал вопрос о Троице и крещение детей. Литовские братья, подчёркивая, что Иисус Христос был на 100 %

человеком, при этом нередко отрицали Его равенство Богу Отцу, а также считали, что каждый человек должен креститься только взрослым, осознавая, что он делает. Такие утверждения вызывали ожесточённые споры, однако так и не создали чёткой границы между большим збором и меньшим, и это позволяет судить, что известные нам крайние высказывания той или другой стороны говорились скорее в пылу дискуссии, чем отражали повсеместно принятую богословскую позицию. Многие сторонники литовских братьев одновременно не порывали с большим збором, как например, староста брестский Ян Кишка, который был главным покровителем меньшего збора в Великом Княжестве. Тем не менее, споры и разделения внутри реформационного движения ослабили позиции реформаторов накануне тех событий, которые ожидали наше государство.

Война с Москвой, которая продолжалась уже много лет, остро поставила перед Великим Княжеством давний вопрос об унии (союзе) с Польским Королевством. Военная машина Московского государства, направленная на завоевание новых земель, значительно превосходила оборонительные возможности Княжества, и наша страна серьёзно ощущала недостаток собственных сил, чтобы противостоять восточному агрессору. В 1563 году начались переговоры делегации Великого Княжества с представителями Польской Короны об условиях объединения государств. Польская сторона, ссылаясь на старые акты времён Ягайлы, настаивала на создании единого государства, но беларуские послы во главе с Микалаем Радзивилом Чёрным принципиально настаивали на сохранении независимости Великого Княжества. Споры длились не один год, тем временем война продолжалась, ослабляя страну. Шляхта, на плечах которой лежала основная тяжесть войны, всё громче требовала унии, соглашаясь на польские условия.

Наконец в январе 1569 года в Люблине собрался совместный сойм Великого Княжества Литовского и Польского Королевства, чтобы рассмотреть вопрос о союзе. Делегация Княжества вновь решительно не согласилась с идеей включения своей страны в состав Польского Королевства и в знак протеста покинула Люблин. Тогда Жигимонт Август, пользуясь своей властью великого князя литовского, присоединил к Польскому Королевству Подлясье, Волынь и Киевщину, тем более, что тамошняя шляхта была более всех благосклонна к унии, надеясь найти таким образом защиту от Москвы и от татар. Вильня была шокирована таким ходом событий, даже раздавались голоса о войне с Польшей, но если с западным соседом можно ещё было вести переговоры, то с Иваном Грозным говорить было не о чем: там, где проходили московские войска, оставалась выжженная земля. Послы Княжества снова приехали в Люблин, чтобы отстаивать самостоятельность своего государства и прийти к какому-то компромиссу. 1 июля 1569 года был объявлен акт создания Речи Посполитой Двух Народов – федерации Польского Королевства и Великого Княжества Литовского, которая имела одного короля и одну внешнюю политику, но две армии, два скарба (финансовые системы), два сборника законов.

Союз кальвинистского Великого Княжества с преимущественно католическим Польским Королевством начал новую страницу в истории Беларуси, но в то время мало кто мог предвидеть, что будет дальше. На Люблинском сойме почти все послы Великого Княжества были кальвинистами или лютеранами, а среди польской делегации евангельские христиане составляли примерно одну четверть. Несмотря на это многие в Беларуси считали, что принципиальных изменений во внутренней политике Речи Посполитой Двух Народов не предвидится.

Тем временем в Польше реформационное движение пошло на спад, и католическая церковь стала постепенно отвоёвывать свои позиции. Во главе этого движения, названного Контрреформацией, стали иезуиты – монашеский орден, имевший своей целью установление власти католической церкви во всём мире. В 1569 году первые иезуиты приехали в Вильню по приглашению виленского епископа Протасевича и в следующем году открыли свою школу. Евангельские церкви Великого Княжества, в то время очень сильные и расширяющие своё влияние, просто не заметили появления в столице своего в недалёком будущем опаснейшего врага. Внимание всех было сконцентрировано на спорах между большим и меньшим зборами, и на это были брошены интеллектуальные и материальные силы евангельских христиан. Однако самые дальновидные лидеры Реформации в Великом Княжестве понимали необходимость совместных действий представителей разных направлений реформационного движения. В марте 1570 года по инициативе Микалая

Радзивила Рыжего в Вильне был заключён договор между лютеранами и кальвинистами, касающийся не столько догматических вопросов, сколько вопросов сотрудничества, консультаций и взаимопомощи. Пример Великого Княжества подействовал, и спустя несколько месяцев в Сандомире было заключено подобное соглашение, охватывавшее евангельских христиан всей Речи Посполитой.

В 1572 году умер, не оставив наследника, Жигимонт Август, последний из династии Ягайловичей. Возник вопрос о том, кто будет следующим королём и великим князем. Многие в Речи Посполитой склонялись к кандидатуре Генриха Валуа, брата французского короля Карла IX. Среди белорусских кальвинистов это вызвало тревогу, потому что как раз в это время вся Европа была шокирована событиями Варфоломеевской ночи, когда во Франции было убито около 50 тысяч гугенотов (так во Франции называли кальвинистов), только за то, что они не молятся как католики. Когда в январе 1573 года шляхта Речи Посполитой собралась в Варшаве, чтобы определить условия жизни страны во время бескоролья, Микалай Радзивил Рыжий при поддержке Астафея Воловича и Павла Паца, выступил с инициативой законодательно закрепить религиозную толерантность, чтобы предотвратить в государстве религиозные войны. В результате голосования был принят акт Варшавской конфедерации, один из пунктов которого гласил: «А іж в Речы Посполітой ест розность немалая з стороны веры хрестіяньское, забегаючы тому, абы се с тое прычыны межы людмі заісьтэ якое шкодлівое не вщело, ktorую по іншых королевствах ясне відім, обецуем то собе сполне за нас і за потомкі нашы на вечные часы покой межы собою заховаті, а для розное веры і отмены в костелах крові не пролівать, ані се караті отсуженьем маетності, почстівостью, везеньем і выволаньем, і зверхності жадное, ані уряду до такового поступку жадным способом не помагать».

Это был первый в мире правовой акт, декларировавший принципы равноправия между людьми разных вероисповеданий. Для Европы, охваченной огнём религиозных войн, Варшавская конфедерация стала примером, как решать вопросы свободы совести. Пятью месяцами раньше в Париже был объявлен королевский декрет, запрещающий по всей Франции любые собрания, проповеди и служения евангельских христиан, угрожавший за явное и тайное исповедание «ереси» смертью. До конца XVI века французские гугеноты ставили Речь Посполитую в пример своим соотечественникам.

Вообще время первого бескоролья показало, на что способен народ, в котором живут идеи Реформации. Власть в Великом Княжестве взял на себя сенат во главе с великим гетманом Радзивилом Рыжим. Шляхта по всей стране начала созывать «каптуры» – конфедерации на уровне воеводства, которые должны были сохранить целостность государства и обеспечить внутреннее спокойствие на время бескоролья. «Если бы кто нарушал порядок, грабил или убивал, будем считать такого вне закона, жизни его лишим, имение его опустошим», – писалось в одном из универсалов (посланий) тех времён. На дорогах и вдоль границ страны появились вооружённые отряды шляхты. К великому удивлению своих и чужих не было никакого замешательства. За полтора года отсутствия монарха в Великом Княжестве не было пролито ни капли крови. Внутренний порядок в государстве обеспечили сами литвины, отлично выдержав экзамен на гражданскую зрелость.

Между тем нужно было выбирать короля. Кандидатура Генриха Валуа нравилась католикам, но не нравилась кальвинистам. Но и те, и другие хотели заключить с будущим королём соглашение о власти. Так возникли знаменитые генриховские артикулы. Их можно смело назвать конституционным актом Речи Посполитой Двух Народов, который очертил политическое и гражданское устройство государства. Шляхта, собранная под Варшавой, должна была сделать то, что через два столетия делали отцы-основатели Соединённых Штатов Америки. Генриховские артикулы определяли, что свободные элекции (выборы) короля и великого князя должны проходить при каждой смене монарха, при этом им нельзя препятствовать или определять преемника при жизни предыдущего короля.

Далее подтверждалась Варшавская конфедерация, это значит свобода вероисповедания, и запрещалось королю без согласия сойма объявлять войну, созывать всеобщее ополчение, а также устанавливать налоги. Королевский скарб должен был обеспечивать защиту границ и содержание профессиональной армии. При отсутствии экстренной необходимости сойм должен был созываться раз в два года сроком не более чем на шесть недель. Из состава сойма избирались шестнадцать сенаторов, которые должны были быть при короле и великом

князе как советники. Кроме того монарх не должен был предпринимать что-либо в вопросах брака без совета и согласия сенаторов и не искать поводов для развода. «А если бы, Боже сохрани, что-либо против правам, свободам, артикулам и соглашениям мы (т. е. король) сделаем или чего-то не исполним, тогда граждане двух народов свободны от послушания и веры, которых мы требуем».

Вместе с генриховскими артикулами будущему монарху поставили несколько условий, касающихся свободы вероисповедания в самой Франции. Эти условия требовали от Карла IX объявления повсеместной амнистии для гугенотов, признания свободы вероисповедания, возвращения наследникам кальвинистов, убитых в ночь святого Варфоломея, а также эмигрантам, имущества и достоинства, разрешения свободно проводить кальвинистские богослужения и снятия осады с гугенотских крепостей. Французский посол Жан де Монлюк принял от имени будущего монарха эти условия, чем в значительной мере содействовал избранию Генриха Валуа королём Речи Посполитой.

Сразу после избрания посольство Речи Посполитой Двух Народов направилось к берегам Сены. Париж неохотно согласился на условия беларуских и польских кальвинистов. Была снята осада Ля Рошели, этому городу и ещё двум городам было разрешено публично проводить евангельские служения, а служения в частных домах разрешались по всей стране. Прибытие посольства спасло от уничтожения гугенотский город Сансера, в котором на момент снятия осады оставалась только одна бочка пороха. Религиозная война во Франции была прекращена на добрых несколько лет. Беларуские и польские кальвинисты совместными усилиями заставили французского короля дать свободу своим братьям по вере. На сколько пример Речи Посполитой побуждал Францию к веротерпимости, на столько пример Франции был для послов Речи Посполитой ещё одним доказательством правильности своей позиции. Они проезжали через сожжённые деревни и разрушенные города, видели голод и опустошение на всём своём пути. Поэтому с тем большей настойчивостью требовали от Генриха Валуа подтвердить, согласно генриховским артикулам, сохранение свободы веры, совести и слова. Когда во время торжественной мессы в соборе Нотр-Дам будущий король Речи Посполитой попытался обойти эти параграфы артикулов, один из послов, Ян Зборовский, перед всем королевским двором сказал: «*Si non iurabis, non regnabis*» (Если не присягнёшь, не будешь королём). Пришлось Генриху Валуа подтвердить артикулы Варшавской конфедерации. Во время коронации в Кракове 20 февраля 1575 года сцена из Нотр-Дам повторилась. Снова Валуа попытался обойти неудобные для него положения о свободе вероисповедания. Тогда Ян Фирлей, маршалок коронный, и Микалай Радзивил Рыжий, великий гетман литовский, не позволили продолжать коронацию, пока не будут названы все пункты присяги, в том числе обязательство никого не преследовать за веру. Французский королевич уступил и стал королём и великим князем Генрихом I, а артикулы Варшавской конфедерации приобрели силу закона. Правда, царствование нового монарха продолжалось всего четыре месяца. Узнав о смерти своего брата Карла IX, Генрих Валуа в июне 1575 года бежал из Кракова, чтобы стать французским королём Генрихом III, а для Речи Посполитой Двух Народов снова наступило бескорелье.

Контрреформация

В 1587 году великим князем литовским и королём польским был избран Жигимонт Ваза, сын шведского короля Яна III Вазы и Катерины из рода Ягайловичей, сестры Жигимонта Августа. «Король Стефан был добрым для солдат, а этот будет добрым для ксендзов», – сказал своему окружению папский нунций, узнав о результатах выборов. И он знал, что говорил. Король Жигимонт Ваза на протяжении всего своего долгого правления ни на шаг не отступил от желания сделать католичество единственным вероисповеданием не только в Речи Посполитой, но и за её пределами. Этому была подчинена вся внутренняя и внешняя политика государства, а всё остальное не имела никакого значения в глазах монарха. Новый король как ничем другим брезговал толерантностью, которая была в те времена нормой в Речи Посполитой Двух народов, свидетельствует один из его современников, и «если бы от него только зависело, не было бы в этом королевстве ни одного схизматика, кальвиниста или лютеранина». Но при всём своём воинствующем

католицизме Жигимонт Ваза во время коронации был вынужден подписать генриховские артикулы, которые ограничивали власть монарха и гарантировали свободу вероисповедания. Реформация в нашей стране была очень сильной, и одного желания короля её уничтожить было слишком мало. Хотя в Польском Королевстве католическая церковь уже отвоевала свои позиции, утерянные в середине века, в сенате Великого Княжества по-прежнему подавляющее большинство составляли кальвинисты и лютеране, и их голос не позволил Жигимонту Вазе пренебречь параграфами о веротерпимости. Статут Великого Княжества Литовского, подготовленный прежде всего евангельскими христианами, в одной из своих статей слово в слово повторял текст Варшавской конфедерации.

Христиане Великого Княжества некоторое время тешили себя надеждой, что король, рождённый в лютеранской Швеции, по крайней мере не будет препятствовать реформационному движению. Реальность очень быстро показала, что подобные надежды были напрасны. Жигимонт Ваза окружил себя иезуитами, которых знал ещё со Стокгольма, где члены этого ордена были его наставниками и воспитателями, и открыто заявил, что государственные должности он будет давать только католикам. Не имеет значение образование, способности, ум, важно только разделять программу короля – очистить Речь Посполитую от всего не католического. На государственном уровне была объявлена война Реформации.

Однако стремления Жигимонта Вазы так и остались бы стремлениями, если бы его идеи были только его идеями. На самом деле король Речи Посполитой не был автором своей политики. Подлинными авторами, а также исполнителями политики Контрреформации в Речи Посполитой были иезуиты. Их неутомимая, продуманная работа дала католической церкви в Великом Княжестве много новых последователей. Вот как описывает их деятельность Ю. Лукашевич, автор фундаментальной работы «Деяния кальвинистской церкви в Литве»: «Иезуиты выступали с амвонов против Лютера, Кальвина, Цвингли, Ария и их последователей, вызывали диссидентов (так называли тогда католики евангельских христиан) на диспуты, проповедовали народу на рынках, стремились заполучить магнатов для католической церкви, не упускали не одного способа, чтобы ослабить или оклеветать иноверцев, науськивали на них толпу и разрушали им зборы, не обращая внимания на литовский Статут, который строго запрещал уничтожение святынь любого христианского вероисповедания... В Вильне печатник Даниэль из Ленчицы, кальвинист, не переставал издавать произведения своего вероисповедания. Чтобы этому помешать, иезуиты подкупили его слугу, чтобы тот выкрал шрифты, и когда он это сделал, иезуиты скрывали преступника в своём коллегиуме и не хотели выдать его потерпевшему... Не было в Литве уголка, где бы у них не было своих миссий. Особенно распространяли они своё апостольство на Жамойть, Белую Русь и Новогрудок. По усадьбам, костёлам, во время праздников, ярмарок, похорон, везде и всегда сновали иезуиты, в поисках новых сторонников католической церкви, попадая через глаза в сердце народа, организовывая театральные постановки, канонизации святых и т. д. Всё это было продумано так, чтобы нравилось толпе, а также чтобы унижало диссидентов, обряды и служителей которых иезуиты не забывали высмеивать и поносить всеми способами, в своих полемических произведениях, против тех направленных, всегда переходя на личности. О целомудреннейших, образованнейших из числа диссидентов пускали разные сплетни. Так, например, Волана, который воздержанностью свою жизнь до 90 лет продлил, называли пьяницей, о Судровском, своими знаниями не уступавшем иезуитам, придумали небылицу, что в молодости он был палачом во Львове, что серебряный талер украл и т. д. Решения диссидентских синодов высмеивали, потому что в них речь шла об овсе, дровах, курах и о прочих необходимых для министров вещах, как будто духовенство католического вероисповедания на своих собраниях никогда не говорило о десятинах и деньгах. По правде говоря, диссиденты не обращали внимания на эти нелепые обвинения, но иезуиты, тысячу раз поверженные, тысячу раз то же самое повторяли и, наконец, убедили в этом народ, который стал пренебрегать диссидентским духовенством, относясь к ним хуже, чем к нищим и пьяницам. К тому же иезуиты всевозможными способами собирали в свою Академию сыновей диссидентов, и среди своих 700 учеников имели их немало, более стараясь перетянуть их в католическую веру, чем углубить их знания или воспитать их праведными людьми и добрыми гражданами».

В 1589 году король Генрих IV изгнал из Франции иезуитов «как деморализаторов

молодёжи, нарушителей общественного порядка, врагов короля и государства». В Речи Посполитой в это же самое время иезуиты были поддерживаемы всей силой королевского авторитета. Король благоволил иезуитам как только мог, и было очевидно, что занять в государстве высокий пост можно было только по их протекции. Души людей в то время начали удивительным образом изменяться, причём в сторону, которая соответствовала желаниям человека, имевшего право давать староства, воеводства, места в сенате. Магнаты, шляхта, часть горожан один за другим начали предавать Реформацию и переходить в католическую церковь, то ли желая получить должность, то ли опасаясь преследований. Наблюдая всё что, английский посол Томас Ро с горечью отмечал, что, как свидетельствует пример Речи Посполитой, «спесь и алчность многое могут в мире».

Видя такие успехи католической церкви в борьбе с Реформацией, а с другой стороны, будучи не в состоянии сами справиться с евангельскими христианами, которые «не по одной, але великімі громадамі стадо Хрыстова урываючы да своее сборы плюгавае загоняють», некоторые иерархи православной церкви на Беларуси и Украине обратились к папе римскому с просьбой о заключении унии между православной и католической церквями в Речи Посполитой. Причины такого шага очень ясно изложены в программном документе унии – Грамоте от 2 декабря 1594 года: «А наиболее потому, что в настоящее несчастливое время среди людей размножилось немало разных ересей. Многие, отступая от христианской православной веры, бегут от нашего закона и Божьей церкви, отрекаются истинной хвалы Бога, в Троице единого». Папа римский Климент VIII с радостью принял выступление православной церкви Великого Княжества против общего врага – реформационного движения, и в 1596 году в Бресте была заключена уния между православной и католической церковью.

Заключение Брестской унии стало ещё одним успехом Конрреформации в Великом Княжестве. С огромной скоростью страна, как и 50 лет назад, изменяла свой облик. Магнаты, влиятельные и жертвенные евангельские верующие, умирали один за другим, уступая свои места в сенате католикам, воспитанникам иезуитов, которым Жигимонт Ваза давал высшие должности в государстве. Конец XVI – начало XVII столетий – это время смены поколений в Великом Княжестве. Отходило в вечность поколение Реформации, люди, которые приняли Божье Слово в свою жизнь, жили этим Словом и изменили страну, закладывая основания Божьего благословения для своего Отечества. Их дети не пошли вслед за родителями, сделали иной выбор. Если посмотреть биографии различных государственных деятелей Великого Княжества того времени, бросается в глаза, что почти все они были кальвинистами или лютеранами, учились в реформаторских школах, в университетах Кенигсберга, Виттенберга, Лейпцига, но в начале 90-ых годов XVI века в их жизни произошло резкое изменение мировоззрения, и мы видим их или католиками, или униатами.

Почему это произошло? Почему Реформация так быстро и повсеместно охватившая Великое Княжество, стала стремительно терять позиции? Можно высказывать различные мнения, но даже не проводя специальных исследований можно назвать основные причины такой ситуации. Во-первых, войны с Московским государством ослабили Великое Княжество и вынудили его искать более тесного союза с Польским Королевством, открываясь таким образом на всевозможное влияние своего союзника. Победа Конрреформации в Польше предопределила подобные процессы и в Великом Княжестве. Второй, не менее важной причиной отступления Реформации была несолидарность реформаторов. Богословские конфликты разделяли евангельских христиан, которые часто считали более важным доказать, что остальные реформаторы ошибаются, чем в единстве выступать против общего врага. Кроме того, в общественных и политических делах евангельские христиане, в отличие от своих братьев по вере в остальных странах Европы, не выступали единым фронтом, и потому часто не могли защитить свои права или добиться выгодного для себя решения либо развития событий. Такое несогласие между сторонниками Реформации контрастировало с богословским и организационным единством, которое демонстрировала католическая церковь и которое импонировало шляхте. Ещё одной причиной победы Конрреформации в Великом Княжестве стало малое внимание, которое в последние десятилетия XVI века реформаторы уделяли своим служителям. Образованные, всемирно известные министры, такие как Волян, Судровский, Ласицкий, не оставили после себя настолько же образованных и заботливых наставников. Иезуитская пропаганда

показывала евангельских служителей ничемными людьми, а самим реформаторам не хватило мудрости, чтобы серьёзно инвестировать в то, чтобы поднять статус министров своего исповедания в обществе. В результате в начале XVII века реформационное движение ощущало огромную нехватку служителей, и десятки зборов были закрыты из-за банального отсутствия пастора. Верующие, не имея духовной опеки со стороны своих министров, легко находили её со стороны католических священников и принимали учение и практики католической церкви.

Великое Княжество всё более отходило от библейских принципов, и это проявлялось на всех уровнях общественной жизни. Преследования диссидентов, начатые в стране, поколебали мораль общества. Если ты можешь грабить, избивать, издеваться над соседом, потому что он верит не так, как ты, то что может помешать тебе делать то же самое в отношении другого человека? Стремительное падение морали стало характерной чертой начала XVII века. Всё это вызвало кризис политической системы страны. Деятели Реформации XVI века, которые создали конституционный строй Речи Посполитой Двух Народов, могли повторить слова, сказанные через двести лет Джеймсом Медисоном, одним из создателей Конституции США: «Мы поставили будущее всех наших политических учреждений в зависимость от способности человечества к самоуправлению, от способности всех вместе и каждого из нас управлять самим собой, сдерживать себя, руководствуясь десятью заповедями Божьими». Когда граждане страны в значительной своей части руководствовались в жизни Божьим Словом, а не своими желаниями, страна развивалась и служила примером всему миру. Когда общество отошло от Библии, от Евангелия, страна начала скатываться в хаос и анархию. В 1573 году во время первых выборов короля на элекционном поле несколько недель стояло пятьдесят тысяч вооружённой шляхты, которая собралась со всей Речи Посполитой, чтобы выбрать себе монарха. И за это время не выстрелило ни одно ружьё, ни один шляхтич не дрался на саблях с другим. В конце правления Жигимонта Вазы не было такого сойма или соймика, когда бы личные или политические вопросы не решались с помощью силы. Король первым показал пример беззакония своим подданным, в открытую нарушая постановления Варшавской конфедерации и поддерживая всяческие преследования евангельских христиан. Как внешняя, так и внутренняя политика Речи Посполитой характеризовалась тем, что идеология Контрреформации была не только вне морали, но и вне здравого смысла. Жигимонт Ваза, желая расширить власть католической церкви, начал войну Речи Посполитой со Швецией, войну, не нужную никому, кроме Рима. Горя этим же желанием, король поддержал московскую авантюру Лжедмитрия, пойдя против воли сената и общественности Речи Посполитой.

Бессмысленные войны с соседями, религиозная нетерпимость внутри страны, безответственность на государственном уровне – вот результат правления великого князя и короля Жигимонта Вазы, «слуги доктрин», как называли его современники. Когда в 1632 году Жигимонт Ваза умер, «весь сойм, сенат и народ более были заняты борьбой со своими соотечественниками, заражёнными ересью, чем безопасностью и целостностью Отечества, чем выборами нового правителя», – писал папе римскому канцлер коронный Ежи Осолинский.

Золотой век отошел в историю...

В середине XVII века взорвались бомбы, заложенные недалёковидной политикой Жигимонта Вазы. Украину охватило казацкое восстание во главе с Богданом Хмельницким, Польское Королевство атаковали шведы, а Москва бросила свои войска на Великое Княжество. Речь Посполитая, не имея денег в государственной казне, могла надеяться только на мужество и посвящённость своих граждан, но правление Жигимонта Вазы, а затем его сына Владислава сделали то, что этого как раз и не хватало. События войны 1654 – 1667 годов были катастрофическими для Великого Княжества. Почти вся страна была оккупирована московским войском, Вильня была захвачена и сожжена. Бранденбургский посол Лазарь Кительман, приехавший в то время к царю Алексею в Вильню, увидел ужасную картину: «Все города и деревни сожжены; кучами лежали трупы убитых литовских мирных жителей, также женщин и детей, непохороненные и гниющие». Московская агрессия стоила Беларуси потерей более чем половины жителей. Каждый второй беларус погиб в этой войне, названной Потопом, на месте городов остались только пепел и угли. Только в начале

XIX века население Беларуси достигло уровня первой половины XVII века. Война уничтожила практически все города. Исчез целый пласт ремесленников, предпринимателей, торговцев. Если в Могилёве в 1645 году было около 2 тысяч ремесленников, то в 1745 году их было только 45. Демографическая катастрофа и экономический упадок страны сопровождались кризисом культуры в обществе. Магнаты и шляхта отрекались от своей родной земли – опустошённой страны, отброшенной на столетия назад. Всё труднее было говорить о самостоятельности Великого Княжества в составе Речи Посполитой. Всё чаще, говоря о своём происхождении, белорусская аристократия использовала слова «Gente Lithuanae, natione Polonae» (литвин родом, польской нации). Наконец постановлением сойма 1696 года польский язык получил статус государственного в Великом Княжестве Литовском.

Начиная с Северной войны Россия открыто начала вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой. Упадок экономики, гражданский разлад и своеволие шляхты превратили некогда могущественное государство в «постоялый двор» для своих соседей. В 1795 году «три коронованных разбойника» – Россия, Австрия и Пруссия – поделили между собой Речь Посполитую Двух Народов. Великое Княжество Литовское перестало существовать как государство и было оккупировано Российской империей. Национальная апатия, охватившая наше общество в XVIII–XIX веках, привела к тому, что оно потеряло своё имя, а вместе с ним и историю. Со второй половины XIX века жители бывшего Великого Княжества Литовского стали называться белорусами, а название «Литва» стало относиться к балтской Жамойти. Путаница, возникшая в связи с этим, до сегодняшнего дня мешает белорусам ответить на вопрос «кто мы?» и найти своё место в истории.

Путевые знаки истории

XVI век, век Реформации, изменил историю и стал источником прогресса и благословения в жизни многих народов. Весь мир смотрит на этот период как на время, когда были заложены основания современной экономики, политики, науки и культуры. Для нашей страны это также исключительный век. Большинство важнейших для Беларуси событий и явлений относятся именно к этому времени. В определённом смысле мы – нация XVI века. Приняв идеи Реформации, обратившись к Библии и личным отношениям с Богом, белорусское общество пережило огромный подъём в самых разных сферах своей жизни. Начали широко распространяться образование и книгопечатание, юридические и политические достижения наших предков даже сегодня вызывают восхищение. Сравнивая развитие разных стран Европы XVI века, можно сказать, что Беларусь – Великое Княжество Литовское – шла в том же направлении, что и Англия: такое же ограничение власти монарха, такое же развитие местного самоуправления, такое же принятие Реформации высшими слоями общества, такая же экономическая активность магнатов и шляхты (в Англии – лордов и сквайров). На востоке Европы поднималась страна, по своему культурному, экономическому и политическому потенциалу способная влиять на весь континент. Чего стоит хотя бы защита религиозных прав гугенотов во Франции.

Однако в начале XVII века эти процессы внезапно затормозились. Предательство Реформации политической элитой Великого Княжества Литовского стало причиной лавины проклятий, которые обрушились на наш народ и последствия которых мы ощущаем до сегодняшнего дня. Белорусы как нация потеряли очень важный консолидирующий, укрепляющий фактор – идею, которая основывается на Божьем Слове, Библии, которая исходит из понимания самого себя не как случайности в этом мире, а как части изначального Божьего плана.

Войны Великого Княжества с Московским государством в середине XVII века практически лишили нашу страну городского населения, более всех принимавшего Реформацию, и сильно ослабили шляхту, которая ещё оставалась верной идеям Лютера и Кальвина. На два века евангельское христианство на Беларуси превратилось в маргинальное явление и практически не влияло на историю страны. Казалось, с Реформацией покончено навсегда. Но в конце XIX – начале XX веков на Беларуси начали стремительно развиваться баптисты и пятидесятники, идейные наследники белорусской Реформации Золотого Века. Как и их предшественники XVI века, они имели большое участие в духовном и моральном возрождении нации. Не могли они оставить без внимания и тот факт, что белорусский народ,

начиная с XVI века, был лишён Слова Божьего на родном языке. В 1927 году баптистский пастор Лукаш Дзёкуць-Малей издал первый перевод Нового Завета на современный белорусский язык. На протяжении всего XX века большинство попыток издания белорусских переводов Библии так или иначе были связаны с деятельностью евангельских христиан.

Коммунистическая диктатура, господствовавшая на Беларуси 70 лет, сделала всё возможное, чтобы уничтожить в нашем народе память о белорусской Реформации XVI века, сделать белорусов нацией без истории, людьми, которые не могут ничего перенять из опыта предыдущих поколений. Но обман и беспамятство не будут вечно господствовать на нашей белорусской земле. Золотой Век Беларуси, XVI век, показывает нам, где тот добрый путь, по которому стоит идти, чтобы Беларусь «заняла свой пачэсны пасад між народамі».

Бібліяграфія

1. Арлоў У., Сагановіч Г. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі. Вільня, 2000.
2. Ермаловіч М. Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае. Мінск, 2000.
3. 3 гісторыі на «вы». Укл. Арлоў У. Мінск, 1994.
4. Ігнаціўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1991.
5. Канфесіі на Беларусі. Пад рэд. Навіцкага У. Мінск, 1998.
6. Ластоўскі В. Кароткая гісторыя Беларусі. Мінск, 1992.
7. Лоўзі Дж. Гістарычныя ўводзіны ў філасофію навукі. Мінск, 1998.
8. Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1995.
9. Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 1993.
10. Падокшын С. Іпацій Пацей. Мінск, 2000.
11. Падокшын С. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі. Мінск, 1990.
12. Пічэта У. Беларускае Адраджэнне ў XVI стагоддзі. У: Чатырохсотлецце беларускага друку: 1525–1925. Менск, 1926.
13. Пятроўскі Я. Тарас Сайка. Ініцыятар перакладу і друку Бібліі на літоўскай мове. Гэйнсвіль, 1995.
14. Саверчанка І. Апостал яднання і веры: Язэп Руцкі. Мінск, 1994.
15. Саверчанка І. Астафей Валовіч. Мінск, 1992.
16. Саверчанка І. Вяртанне маўклівай споведзь. Мінск, 1994.
17. Саверчанка І. Канцлер Вялікага Княства. Мінск, 1992.
18. Сагановіч Г. Айчыну сваю баронячы. Мінск, 1992.
19. Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667 гг. Мінск, 1995.
20. Скарына і яго эпоха. Пад рэд. Чамярыцкага В. Мінск, 1990.
21. Славуцья імёны Бацькаўшчыны. Пад рэд. Грыцкевіча А. Мінск, 2000.
22. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989.
23. Чаропка В. Імя ў летапісе. Мінск, 1994.
24. Бадак А., Войнич И. и др. Всемирная история. Т.10. Возрождение и Реформация Европы. Минск, 1998.
25. Вебер М. Протестантская этика. Москва, 1972.
26. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI- начало XIX вв. Минск, 1962.
27. История евангельских христиан-баптистов в СССР. Москва, 1989.
28. Кодер Д. Мой Франциск Скорина. Минск, 2000.
29. Макдоуэл С., Билайлс М. Освобождение народов. Москва, 1995.
30. Падокшин С. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI – начало XVII в.), Минск, 1970.
31. Плисс В. Исторический очерк проникновения и распространения Реформации в Литве и Западной Руси. Санкт-Петербург, 1914.
32. Сокол С. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во второй половине XVI века. Минск, 1974.
33. Франциск Скорина и его время. Энциклопедический справочник. Минск, 1990.
34. Grzybowski S. Marcin Luter, Warszawa, 1966.
35. Jarminski L. Bez uzycia sily. Dzialalnosc polityczna protestantow w Rzeczypospolitej u

schylku XVI wieku. Warszawa, 1992.

36. Jasienica P. Rzeczpospolita Obojga Narodow. Warszawa, 1986.

37. Jasnowski J. Mikolaj Czarny Radziwill. Warszawa, 1939.

38. Kosman M. Reformacja i Kонтрреформacja w Wielkim ksiestwie Litewskim w swiecie propogandy wyznaniowej. Wroclaw, 1973.

39. Lukaszewicz J. Dzieje kosciolow wyznania helweckiego w Litwie. T. 1–2. Poznan, 1842.

40. Pierrard P. Historia kosciola Katolickiego. Warszawa, 1984.

41. Pomian K. Europa i jej narody. Warszawa, 1992.

42. Tazbir J. Panstwo bez stosow, Warszawa, 1967.

43. Tazbir J. Piotr Skarga. Warszawa, 1962.

44. Zbior pomnikow Reformacji kosciola polskiego i litewskiego. Wilno, 1925.

Хочешь узнать больше приходи каждое воскресенье на наших традиционные встречи "Утро для души"

По адресу:

г. Минск, Я. Райниса, 6.

Вход в левое крыло,

3-й этаж, пом. 332/1

КАЖДОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ С 11.00 ДО 13.00

Божья школа <https://www.youtube.com/channel/UCwh0uiT6le2Xuv8uD4B6ezw>

Сайт церкви - <https://godschool.church/>

Телеграм-канал церкви - <http://t.me/godschoollmink>

Образовательные курсы - <http://edu.godschool.church>

ВКонтакте - <http://vk.com/godschoollmink>

Фейсбук - <http://facebook.com/gscminsk>

Инстаграм - <http://instagram.com/godschoollmink/>

Ютуб - <https://youtube.com/channel/UCwh0uiT6...>

**НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ ПОД
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ БОГА**

БОГОСЛУЖЕНИЯ, КУРСЫ, КОНСУЛЬТАЦИИ:

Воскресенье 11:00

Минск, Райниса, 6 - 332

godschool.church

Рад знакомству возможно смогу быть чем-то вам полезен в будущем.

Вот моя визитка, для связи.

https://dewiar.com/i/Exponential_Coach

**Помогу с приобретением бумажной версии книги. «Золотой век Беларуси
Станислава Акинчица»**

